

Фонд поддержки развития биосферного хозяйства и аграрного сектора
«Сибирский земельный конгресс»

Научно-практический журнал

**Вестник
Института развития ноосферы**

2019 № 1(3)

(21 января 2019)

Вестник Института развития ноосферы – электронный научно-практический журнал неформального научного содружества, работающего в сфере теории и практики ноосферогенеза: моделирование, формирование и развитие системы планетарного социума на основе разумных и гуманных принципов с учетом повседневной окружающей реальности и геополитической ситуации.

Учредитель: Фонд поддержки развития биосферного хозяйства и аграрного сектора «Сибирский земельный конгресс»

Редакционная коллегия

Винобер А.В. – главный редактор, руководитель Фонда поддержки развития биосферного хозяйства и аграрного сектора «Сибирский земельный конгресс»

Степанов С.А. – д.пед.наук, профессор Академии МНЭПУ

Сухорукова С.М. – д.э.н., профессор кафедры экологической и промышленной безопасности Московский технологический университет (Институт тонких химических технологий)

Моложников В.Н. – д.б.н., председатель Байкальского отдела Русского географического общества

Бриних В.А. директор Института региональных биологических исследований (Майкоп)

Винобер Е.В. – технический редактор, координатор проекта «Просвещение, образование, издательская деятельность» Фонда поддержки развития биосферного хозяйства и аграрного сектора «Сибирский земельный конгресс»

Мнение редколлегии может не совпадать с мнением авторов статей.

Статьи публикуются в авторской редакции. За достоверность информации ответственность несут авторы статей

*Адрес редакции: г. Иркутск, ул. Декабрьских Событий, 55
тел. 8914-912-47-11*

e-mail: congress@biosphere-sib.ru

www.biosphere-sib.ru

Периодичность выпуска журнала 12 раз в год

Запрос на присвоение ISSN: в ожидании

© Фонд поддержки развития биосферного
хозяйства и аграрного сектора
«Сибирский земельный конгресс», 2019
© Авторы, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

БИОСФЕРНОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОБЛЕМЫ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ.....	5
<i>В.А. Бриних.</i> Степные заповедники на постсоветском пространстве.....	5
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА РАЗВИТИЯ НООСФЕРЫ	23
<i>Е.В. Ушакова.</i> Ноосферизм и некросферизм как полярные стратегии XXI века.....	23
<i>Н. Н. Краснова.</i> Ноосферный социокультурный подход к концепции прав человека	40
<i>В.И. Шостка.</i> В.И. Вернадский о проблемах науки и фундаментальности образования ...	72
ПАЛЕОПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОИСТОРИЯ	81
<i>А.В. Винобер.</i> Психоистория Гражданской войны в России (1917-1922 гг.). Очерк третий: «красный» и «белый» террор	81
СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ.....	88
<i>А.В. Винобер.</i> Мифология текста. Рефлексивная герменевтика осознания (Этюд №3: необычайно короткий и несколько неожиданный).....	88
ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ АНТРОПОЛОГИИ	95
<i>А.В. Винобер.</i> Системо-мыследеятельностная технология (СМД): Философия или идеология?: Философско-психологический трактат.....	95
Информация для авторов	118

CONTENTS

THE BIOSPHERE ECONOMY AND PROBLEMS OF NATURE MANAGEMENT.....	5
<i>V. A. Brinikh.</i> The steppe nature reserves in the former soviet union	5
THEORY AND PRACTICE OF DEVELOPMENT OF THE NOOSPHERE	23
<i>E.V. Ushakova.</i> Noospheric and necrospheric as polar strategies of the 21st century	23
<i>N. N. Krasnova.</i> Noospheric sociocultural approach to the concept of human rights.....	40
<i>V.I. Shostka.</i> V.I. Vernadsky about the problems of science and fundamentality of education....	72
PALEOPSYCHOLOGY AND PSYCHOHISTORY	81
<i>A.V. Vinober.</i> Psychohistory Civil war in Russia (1917-1922 yy.). The third essay: «red» and «white» terror	81
SOCIAL PHILOSOPHY	88
<i>A.V. Vinober.</i> Mythology of text. Reflexive hermeneutics of awareness (Etude №3: unusually short and several unexpected).....	88
PHILOSOPHY AND METHODOLOGY OF ANTHROPOLOGY	95
<i>A.V. Vinober.</i> Systemic-thought-action technology (STA): philosophy or ideology?: philosophical-psychological tract	95
Information for authors.....	118

БИОСФЕРНОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОБЛЕМЫ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

УДК 502.474

В.А. Бриних

*Институт региональных биологических исследований
Майкоп, Россия***СТЕПНЫЕ ЗАПОВЕДНИКИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ**

Настоящая статья является наиболее полным и актуальным обзором природных заповедников (категория I по классификации IUCN) на постсоветском пространстве с наличием степных ландшафтов. Дана краткая характеристика тех заповедников, где степные биомы представлены на значительных площадях. Рассмотрены существующие угрозы и проблемы, связанные с конфликтом интересов охраны природы и экономического развития регионов, с одной стороны, и конфликтом интересов обеспечения режима заповедности и сохранения степей в их современном виде, с другой. Предложены новые формы территориальной охраны степных экосистем на основе сложившейся практики заповедного дела.

Ключевые слова: заповедник, экосистема, агроландшафт, биологическое разнообразие, степь, степной биом, лесостепь, IUCN.

К концу XVIII века в Европейской части Российской империи были распаханы почти все луговые степи и остепненные луга лесостепной зоны. А к концу XIX века практически завершилось освоение разнотравно-типчачково-ковыльных степей. Нераспаханными к тому времени остались только целинные и залежные участки, принадлежавшие государственным конным заводам, а также общественные сенокосы и пастбища. Отсюда сохранились исторические названия этих участков – Стрелецкая степь, Казацкая степь, Ямская степь и пр.

Российская научная общественность на тот момент уже была знакома с зарождавшейся практикой территориальной охраны природы в Европе и США. Эту практику изучали и даже примеряли к российским просторам. Ведь, наряду с практически распаханными европейскими степями, относительно нетронутыми оставались еще восточные степи за Волгой и дальше, в Сибири и на Дальнем Востоке. Поэтому ведущие ученые-естествоиспытатели уже в конце XIX – начале XX века забили тревогу.

Знаменитым географом и почвоведом В.В. Докучаевым в одном из своих многочисленных отчетов было подчеркнуто, что «...девственные

черноземные степи... с их оригинальными обитателями – серебристым ковылем, дерезой, байбаком, дрофой и проч. – с удивительной быстротой исчезают с лица земли русской...». [1]

Известный ботаник, академик Императорской академии наук И.П. Бородин в своей статье «Охрана памятников природы» утверждал следующее: «Наиболее неотложным представляется мне образование степных заповедных участков. Степные вопросы это наши, чисто русские вопросы, между тем именно степь, девственную степь, мы рискуем потерять скорее всего». [2]

Значимость заповедания степных участков, ненарушенных человеческой деятельностью, признавалась всеми учеными и даже многими крупными землевладельцами. «Степной заповедник, – писал известный степевед В.В. Алехин, – помимо того, что он дает возможность видеть те природные ландшафты, с которыми связана вся история русского народа, кроме того, позволит глубоко заглянуть в самую жизнь степи, в те сложные взаимоотношения, которые существуют между степным растительным ковром, с одной стороны, и почвой, строением поверхности, животным миром и пр. – с другой». [3]

Степные целинные участки в своем имении «Аскания-Нова» на юге Украины первым начал заповедать Ф.Э. Фальц-Фейн еще в конце XIX века, а в начале XX века заповедные участки целинной степи также появились еще у ряда крупных землевладельцев – в имении Карамзиных в Бугурусланском уезде Самарской губернии, в имении Паниных в Валуйском уезде Воронежской губернии и др.

Однако системной государственной политики в части создания степных заповедников в царской России, а затем и в Советском Союзе так и не состоялось. Революция 2017 года и последовавшая после нее гражданская война, сталинские пятилетки и коллективизация на селе, необходимость наращивания производства зерновых, Великая Отечественная война и последующее восстановление народного хозяйства, широкомасштабная

распашка целинных земель в Казахстане и на Южном Урале, в Сибири и Забайкалье не позволяли все годы Советской власти сформировать полноценную репрезентативную систему специализированных степных заповедников. Огромными усилиями под охрану брались лишь отдельные небольшие степные участки, которые включали в заповедники с преобладанием иных ландшафтов (лесных или водно-болотных), либо формировали из них небольшие заповедники кластерного типа.

На сегодня, после распада Советского Союза и создания на месте союзных республик суверенных государств, ситуация только ухудшилась. Новых степных заповедников практически не создается, а ряд прежних либо потеряли свой статус, либо вообще прекратили существование.

В современной России степные участки представлены в следующих государственных природных заповедниках:

1. Алтайский заповедник. Горные степи занимают отдельные участки в долине Чулышмана и в низовьях его притоков – Кайры, Чульчи, Аксу, Чакрыма, Шавлы и на восточном побережье Телецкого озера с общей долей в 2% всей площади заповедника. Они делятся на два типа – высокогорные степи в южной высокогорной части, и долинные степи в северной среднегорной части заповедника. Встречаются степи по сухим склонам преимущественно южной экспозиции.

2. Байкало-Ленский заповедник. На побережье Байкала и восточном макросклоне Байкальского хребта в границах заповедника сохранились фрагменты древних реликтовых степей. Несмотря на то что степи занимают менее 10% территории заповедника, степные виды дают четверть всего флористического богатства заповедника. Основу степной флоры составляют представители лесостепной и горно-степной поясно-зональных групп, объединяющие более 70% флористического состава степей заповедника.

3. Башкирский заповедник. Верхние части склонов южной экспозиции и вершины хребтов Южного Крака в диапазоне высот от 550 до 920 м над ур. м. остепнены и почти полностью покрыты плащом мелких

каменистых степных черноземовидных почв. Участки горных ковыльных степей перемежаются с многокрасочными луговыми степями. На границе с лесом обычны участки степей с обилием степных кустарников: чилиговые — золотистые весной от цветущей караганы кустарниковой (чилиги), можжевельниковые с множеством кустов можжевельника обыкновенного. Реже встречаются участки кустарниковой степи с вишней степной. Выходы останцов горных пород заняты каменистыми степями с растениями, хорошо приспособленными к жизни среди камней. [4]

Степи здесь экстразональные, представляют собой остров в окружении сосновых лесов, однако на их долю приходится около 20% территории заповедника (примерно 9,9 тыс. га).

4. Заповедник «Белогорье». Ямская степь представляет собой южный вариант ковыльно-разнотравно-луговой степи площадью 566 га (26% территории заповедника). Характерной особенностью Ямской степи является развитие кустарниковых зарослей или отдельно стоящих деревьев. Существует даже такое понятие — кустарниковая или «саванная» степь.

5. Заповедник «Богдинско-Баскунчакский». Преобладают сухостепные (полупустынные) полынно-злаковые ландшафты. Площадь опустыненных степей составляет около 30% от общей площади заповедника. Наибольшее разнообразие степных формаций представлено на склонах горы Богдо. Здесь описаны пустынножитняковые, ковылково- и тыршиково-пустынножитняковые, ковылковые, тыршиковые, типчаковые, тыршовые, перистоковыльные, житняковые, маршаловополынники, лерхополынники, полынники, чернополынники, таврическополынники, мятликовые степи.

6. Восточно-Уральский радиационный заповедник. На юге заповедника на маломощных выщелоченных чернозёмах встречаются участки степей, составляющие около 10-15% от общей площади заповедника. Доминирующими видами в них являются: ковыль перистый, типчак, овсец. Из кустарников встречаются спирея гребенчатая, вишня степная, кизильник. На вершинах холмов эти кустарники образуют сплошные заросли.

7. Заповедник «Галичья Гора». Степные и лесостепные участки занимают около 30% территории заповедника (2 кластерных участка общей площадью около 80 га).

8. Дагестанский заповедник. Песчаные степи участка «Сарыкумские барханы» занимают почти 3% от общей площади заповедника. Они представлены сообществами типичных псаммофитов и, в меньшей степени, – сообществами степей.

9. Заповедник «Даурский». Степные участки занимают 17% территории заповедника (8 кластерных участков от 0,1 до 0,8 тыс. га). Однако уникальность этого заповедника заключается в том, что площадь его охранной зоны составляет 173,2 тыс. га (в 3,6 раза больше территории самого заповедника) и практически вся она представляет степные экосистемы: луговые, настоящие и сухие степи.

Луговые степи представлены пижмовыми (нителистниковыми), байкальско-ковыльными, вострцовыми степями, эндемиками Даурии.

Наиболее распространены в пределах заповедника и его охранной зоны **настоящие степи – эталон коренной растительности степных центральноазиатских экосистем.** Основу сообществ настоящих степей создают дерновинные злаки.

В сухих мелкодерновиннозлаковых степях доминирует один или несколько злаков, имеющих мелкодерновинную жизненную форму: типчак, или овсяница Литвинова, овсяница ленская, мятлик оттянутый, ковыль Крылова, житняк гребенчатый, тонконог стройный.

Петрофитные варианты различных типов степей приурочены к каменистым вершинам и выпуклым частям склонов сопок, увалов, гребням береговых валов.

Кустарниково-степные сообщества представляют собой неотъемлемый элемент центральноазиатских, в т.ч. даурских степных и лесостепных ландшафтов. В литературе именуется также «харганат», «даурский шибляк».

Галофитные (засоленные) варианты степей представлены сазовыми (солончаковатыми) степями с доминированием крупнодерновинного высокого (до 1,8 м) злака – чия блестящего.

10. Ильменский заповедник. На каменистые и злаково-разнотравные степи, а также луговые сообщества приходится около 6% территории заповедника. Степное участковое лесничество Идьменского заповедника (заповедник «Аркаим») относится к подзоне ковыльно-разнотравных степей. Степные травяные сообщества, а также закустаренные участки встречаются на сильно инсолируемых крутых склонах гор и склонах округлых невысоких сопок юго- и юго-западной ориентации.

11. Заповедник «Казантипский». На всей территории заповедника (450 га) доминируют скалистые урочища с приморской растительностью, балки и лоцины с каменистыми степями. Из-за невозможности распахивания каменистые степи сохранились здесь в практически нетронутом состоянии. Однако внутри заповедника есть участок, на котором ведется хозяйственная и промышленная деятельность, в том числе, добыча нефти.

12. Катунский заповедник. Разнотравно-дерновиннозлаковые каменистые луговые степи представляют собой фрагментарные участки, вкрапленные в луга, на южном макросклоне Катунского хребта в бассейнах рек Катунь и Зайчиха на высотах до 1500 м над ур. м. Здесь также описан небольшой участок разнотравно-осочково-ирисовой луговой степи.

13. Заповедник «Кузнецкий Алатау». Подтаёжно-лесостепной комплекс распространен фрагментарно по крутым каменистым склонам, на которых встречается 154 вида, из них 68 характерные и 11 – растения каменистых степей.

14. Заповедник «Опукский». Основой заповедника является массив горы Опук (185 м над ур. м.), расчлененный глубокими (до 20 м) и широкими тектоническими трещинами на отдельные блоки, и образующий одну из наиболее выдающихся местностей Керченского гребнесопочного степного ландшафта общей площадью чуть более 1500 га.

Для территории, расположенной между горой Опук и мысом Такыл, свойственны ландшафты останцово-водораздельных петрофитных кустарниково-разнотравно-злаковых степей на малоразвитых щебнистых почвах черноземного типа, наклонных равнин с ковыльно-типчаковыми степями на щебнистых, местами слабосолонцеватых черноземах и каштановых почвах, а также котловинные типчаково-полынно-полупустынные с темно-каштановыми солонцеватыми почвами в сочетании с солонцеватыми черноземами. [5]

Южную часть заповедника занимают полого-волнистые денудационные равнины с черноземами южными и темно-каштановыми солонцеватыми почвами, солонцами, мезофитными разнотравно-типчаково-ковыльными степями. На фоне степных ландшафтов вдоль побережья распространены псаммофитные степи из ковыля, овсяницы и осок, полупустынные полынно-злаковые степи, солянковыи пустыни, балки, понижения, озерные котловины, лиманы с луговыми галофильными группировками.

Фауна заповедника представлена более 1400 преимущественно степными видами.

15. Оренбургский заповедник. В состав заповедника входит пять кластерных участков в 5-ти разных районах Оренбургской области: в «Таловская степь», «Буртинская степь», «Айтуарская степь», «Ащисайская степь», «Предуральская степь». Общая площадь заповедника составляет 38191 га. Степные участки занимают 99% его территории.

Основными растительными сообществами являются настоящие дерновинно-злаковые степи с господством ковылей Лессинга, Залесского, тырсы, типчака, овсеца пустынного. Для вершин и склонов холмов, преимущественно южных экспозиций, различной крутизны характерны каменистые степи. Участки луговой степи встречаются редко, в более увлажненных котловинах. В средних и нижних частях склонов, преимущественно северной экспозиции, и лощинах с близким залеганием

грунтовых вод и лучшим увлажнением распространены заросли степных кустарников, таких как спирея городчатая, миндаль низкий, раkitник русский, изредка жимолость татарская.

16. Заповедник «Приволжская лесостепь». Степные участки занимают около 500 га (около 6% общей площади). На участке «Кунчеровская лесостепь» (1024 га) степные сообщества занимают пятую часть территории и представлены, в основном, ассоциациями разнотравно-дерновинно-злаковой степи с молодым подростом сосны обыкновенной. Участок «Попереченская степь» (252 га) располагается на плакоре и склонах балок в верховьях реки Хопёр. Здесь преобладают дерновинно-злаково-разнотравные степные и разнотравно-корневищные (наземновейниковые и беззостокострецовые) ассоциации; характерны заросли степных кустарников.

17. Приокско-Террасный заповедник. Степные и луговые участки занимают не более 5% территории заповедника (около 200 га). В общей сложности здесь произрастает около 50 видов высших растений, характерных для луговых степей.

18. Присурский заповедник. Лесостепные участки занимают 1,3% территории заповедника (2 участка площадью 125 га). Остепненные пространства практически полностью освоены человеком под сельхозугодья.

19. Ростовский заповедник. Основную часть территории Ростовского заповедника занимают сухие, умеренно сухие и пустынные степи (72% от общей площади заповедника).

Растительность степей, сформировавшаяся на террасах Маныча, определяется как долинные степи. Это объясняется особенностями этих земель, которые сохранили следы лугового происхождения, при этом процесс остепнения не завершён. Растительность донских степей местами луговая, а местами уже степная.

20. Саяно-Шушенский заповедник. Заповедник находится в зоне контакта сибирской тайги с центральноазиатскими степями. Долинные степи

заповедника, расположенные в долине Енисея, южнее устья Уса, а также по долине р. Большие Уры, составляют 9,6% общей площади заповедника и отличаются обилием золотистоцветковых лапчаток кустарниковой, многораздельной и др., герани забайкальской, некоторых полыней, злаков – мятликов узколистного и кистистого. Степные участки расположены фрагментарно и перемежаются суходольно-разнотравными перелесками из лиственницы сибирской.

21. Тигирекский заповедник. В местах, где черневая тайга наиболее глубоко вдается в полосу предгорных степей, растительность имеет лесостепной характер. Здесь широко распространены кустарниковые сообщества, которые в сочетании со степными участками покрывают все склоны южной, западной и восточной экспозиций. Привершинные участки склонов заняты серийными сообществами разнотравно-типчаково-ковыльных степей с участием перистого ковыля. Растительность северной части заповедника носит переходные черты от ковыльных степей казахстанского типа к западносибирским луговым степям. Фрагменты разнотравно-типчаково-ковыльных степей прослеживаются по всему фронту северных предгорий района. В степном поясе встречаются различные варианты разнотравно-типчаково-ковыльных и кустарниковых степей. Разнотравно-типчаково-ковыльные степи распространены преимущественно по склонам южной и восточной экспозиций в приустьевых частях долин рек Белая, Иня и вдоль северной границы района. Эти степи контактируют с петрофитными сообществами кустарников (карагана древовидная, таволга трехлопастная, таволга зверобоелистная) по южным каменистым участкам придолинных склонов. Значительные площади в районе занимает подпояс луговых степей. Луговые степи отличаются богатством и красочностью травяного покрова. Степные ландшафты в основном сосредоточены на Тигирекском участке заповедника, где занимают более 70% его территории, что составляет около 8 тыс. га. [6]

22. Заповедник «Убсу-Нурская котловина». Степные ландшафты (полностью участок «Ямаалыг» и фрагментарно участки «Цугээр-Элс», «Арысканныг», «Монгун-Тайга» и «Улар») занимают около 2% территории заповедника (5-6 тыс. га). Горные степи располагаются ниже лесного пояса и лесостепи, спускаясь по склонам и прямо смыкаясь со степями равнин. Но и сами равнины здесь лежат на значительной высоте. Высотные пределы распространения степей в Убсу-Нурской котловине – от 520 м до 900 м над уровнем моря.

23. Хакасский заповедник. Степные участки занимают около 10% территории заповедника (около 26 тыс. га).

24. Центрально-Черноземный заповедник. Участки луговой степи занимают около 30% территории заповедника (не более 2 тыс. га).

25. Заповедник «Черные Земли». Степные участки занимают 77% территории заповедника (участок «Черные Земли» площадью 94,3 тыс. га).

26. Заповедник «Шайтан-Тау». На плоских водораздельных вершинах хребта Шайтан-Тау господствуют луговые злаково-разнотравные и каменистые степи. Также безлесны каменистые вершины хребта и верхние части его южных склонов. Они покрыты участками каменистой, ковыльной и кустарниковой степи. На выходах горных пород, особенно известняков, часты куртины можжевельника казацкого. По ложбинам получает развитие луговая степь.

В остальных заповедниках на территории Российской Федерации участие степей составляет доли процента от общей площади их территорий. Это такие заповедники как «Азас», Астраханский, Воронинский, Джергинский, Жигулевский, Катунский, Сохондинский, Тебердинский, Тигирекский, «Эрзи», «Утриш», «Шульган-Таш».

Говорить о наличии именно степных экосистем, а не просто участков со степной растительностью, можно лишь в отношении еще меньшего числа российских заповедников. Однозначно таковыми являются Оренбургский,

«Черные Земли» и «Даурский» заповедники, причем последний – только в сочетании с охранной зоной.

Общая площадь российских степей, находящихся под защитой заповедников, составляет около 360 тыс. га, т.е. около 0,26% от общей площади российской степной зоны, площадь которой составляет около 11% от общей площади Российской Федерации.

На территории Украины в настоящее время функционируют 5 заповедников с участием степных и лесостепных природных комплексов:

1. Заповедник «Аскания-Нова». Степные участки занимают 33% территории заповедника (11 тыс. га).

2. Черноморский заповедник. Участки лесостепи, сухой и опустыненной приморской степи занимают 15% территории заповедника (около 14 тыс. га).

3. Украинский степной заповедник. Состоит из 5-ти участков общей площадью 3336 га. Степные участки занимают 90% от общей площади заповедника (4 из 5 участков).

4. Луганский заповедник. Состоит из 4-х участков общей площадью 5400 га. Степные участки занимают 90% от общей площади заповедника (3 из 4 участков).

5. Заповедник «Еланецкая степь». Практически весь (3000 га) представлен сохранившимися участками типичной типчаково-ковыльной степи.

Общая площадь украинских степей, находящихся под режимом заповедника, составляет около 37 тыс. га, т.е. чуть более 0,1% от общей площади степной зоны Украины, которая представлена 40% от общей площади страны. Полноценных степных экосистем на ООПТ нет.

В Казахстане степные ландшафты занимают 44,7% всей территории страны, в т.ч. собственно степи – 27,4%, лесостепи – 2,4%, полупустыни – 14,9%. [7] Более 29 разновидностей их мозаично распределены почти по всей республике, но преимущественно в ее северной части, где в направлении с

севера на юг идет постепенная смена чисто степных ландшафтов (в основном кустарниково-разнотравно-злаковых) сухостепными, с доминированием типчака и различных видов полыней. [8] При этом всего в двух заповедниках (Кургальджынском и Наурзумском) сохраняются соответственно комплексы сухих и умеренно сухих степей. Степная растительность здесь представлена ковылковой, красноковыльной, песчаноковыльной, тырсовой и типчаковой формациями. При этом степные ландшафты занимают в них не более 15% территории. В горных заповедниках Аксу-Джабаглы, Алма-Атинском и Каратаусском сохраняются участки горных степей на незначительных площадях. Вообще не осталось в Северном Казахстане крупных участков плакорных ковыльно-разнотравных степей. [9]

В Кыргызстане есть несколько заповедников, в которых в разной степени представлены горные степи, причем достаточно сильно подверженные пастбищным нагрузкам: Беш-Аральский, Сарычат-Эрташский и Иссык-Кульский. Однако детальная информация об их площадях и состоянии отсутствует. В Беш-Аральском заповеднике горные, преимущественно типчаковые, степи широко распространены по всей Чаткальской котловине, в основном по склонам южной экспозиции. В западной части заповедника степные сообщества распространены на высотах от 1500 до 2600 м над ур. м., а в восточной части – от 1600 до 2200 м над ур. м. В целом травяные сообщества Беш-Аральского заповедника занимают около 40% всей его территории. В Сарычат-Эрташском заповеднике горные степи располагаются на уровне 2800-3900 м над ур. м. и представлены мелкотипчаковыми, ковыльными, овсецовыми, вострецовыми и ячменными формациями. Полынно-типчаковые степи Иссык-Кульского заповедника представлены в восточной части озерной котловины в диапазоне высот 1700-2700 м над ур. м.

Среди заповедников других государств на постсоветском пространстве на сегодняшний день можно выделить лишь два заповедника, в которых в достаточно значительной степени представлены степные комплексы: с

некоторой натяжкой таковым можно считать Бадхызский заповедник на крайнем юге Туркменистана, где около 60% заповедной территории занимают субтропические степи и полупустыни, и заповедник «Эребуни» в Армении с 100% степным покровом, но, правда, чрезвычайно малой площадью (89 га). Этот заповедник был создан специально для сохранения местообитаний диких пшениц. Небольшой участок ковыльных степей расположен на территории преимущественно лесного Хосровского заповедника. [10] Также фрагментарно степные участки представлены в некоторых лесных заповедниках Молдовы, где их участие исчисляется долями процента от общей территории. Специализированных степных или лесостепных заповедников в Молдове нет. В Азербайджане в советские годы функционировал степной Ширванский заповедник, но сейчас он включен в состав одноименного национального парка.

Таким образом, наиболее репрезентативная сеть степных заповедников сформировалась на территории Российской Федерации, потом – в Украине и Казахстане. В том же порядке располагается на постсоветском пространстве первая «тройка» государств и по числу заповедников, в которых представлены степные биомы.

Наибольший интерес вызывает вопрос, как следует развивать территориальную охрану степных экосистем, чтобы, как говорится, и овцы были целы, и волки сыты? Особенно дискуссионной является тема регуляционных мероприятий в степных заповедниках. [11, 12, 13, 14, 15, 16]

Большинству специалистов очевидно, что заповедание степей с введением на данных территориях режима полного невмешательства в естественные процессы не способствует поддержанию первоначального (на момент заповедания) облика степи. [17] Скорее всего, это связано как с динамичными циклическими климатическими изменениями, так и с тем, что современный (образца XX века) облик степи – это не естественная экосистема, а скорее так называемый культурный ландшафт, сформировавшийся на протяжении последних нескольких тысячелетий в

результате человеческой деятельности. Снятие антропогенной нагрузки неизбежно возвращает степную экосистему в изначальное доагрикультурное состояние. Следовательно, для поддержания современного облика разных типов степей Евразии надо искать и различные новые формы их сохранения. Наиболее перспективной представляется форма степных особо охраняемых природных территорий (ООПТ), обеспечивающая сохранение биоразнообразия в процессе щадящего традиционного природопользования. [9, 13]

При планировании территориальной охраны степных экосистем следует учитывать, что основными угрозами для их биоразнообразия являются:

- чрезмерная распашка природных степей и несбалансированная пастбищная нагрузка;

- несоблюдение севооборотов в агроландшафтах;

- химизация сельского хозяйства;

- сведение байрачных и колочных лесов в лесостепи, ленточных боров в сухих степях;

- чрезмерная эксплуатация популяций животных и растений, включая прямое уничтожение ключевых видов;

- случайный занос и преднамеренная интродукция чужеродных видов животных и растений;

- регулярные весенние и летне-осенние (послеуборочные) палы.

На начало XXI века распаханность европейских степей составляет 65-70%. Остальная территория также подвергается антропогенному прессу в форме выпаса. Площадь нераспаханных, но интенсивно используемых под выпас степей, составляет примерно 230 млн. га, большая часть которых расположена в Центральной Азии. На участках с избыточной пастбищной нагрузкой происходит обеднение видового состава аборигенных степных растений и увеличение доли рудеральных видов, снижение продуктивности травостоя и прочие признаки пастбищной дигрессии. При планировании развития сети

ООПТ необходимо учитывать высокую степень фрагментации современных степных ландшафтов, что определяет кластерный характер и незначительные размеры сохранившихся участков природных степей. [18]

Предложенная в рамках проекта Правительства РК/ПРООН/ГЭФ «Сохранение и устойчивое управление степными экосистемами» Концепция расширения сети степных ООПТ Казахстана предлагает схему размещения новых ООПТ до 2030 года по подзонам и подпровинциям степной зоны, лесостепи, подзоны северных пустынь (полупустынь) и степных поясов горных регионов, что существенно увеличит репрезентативность степных ООПТ. При этом все существующие и планируемые ООПТ, не имеющие собственных администраций, привязываются к ООПТ более высокого уровня, имеющим статус юридического лица, что существенно повысит уровень их охраны. [7]

Природоохранные неправительственные организации России и ученые-эксперты формулируют своё видение ситуации в этой сфере. Ключевыми моментами они считают важность сохранения биоразнообразия на сельскохозяйственных территориях и экологизацию сельского хозяйства в целом, экологическую и социальную ответственность агробизнеса, развитие нетрадиционных и негосударственных форм территориальной охраны природы, повышение приоритетности проектов, направленных на сохранение степей. [19]

В этом плане наиболее наглядным примером является современная территориальная структура государственного биосферного заповедника «Даурский», в которой небольшие участки заповедной степи, как изюм в булочке, включены в огромные массивы сходных степных территорий, находящихся в хозяйственном обороте и включающих даже небольшие населенные пункты. Здесь главное значение имеет не уровень хозяйственного использования территорий, а строгое соблюдение ограничений такой деятельности, устанавливаемых достаточно строгим режимом охранной зоны заповедника. Например, в охранной зоне

заповедника «Даурский» ограничивается даже нахождение людей, кроме тех, кто здесь проживает и их родственников, а также лиц, занятых в хозяйственной деятельности на территории охранной зоны. Таким образом, в биосферном заповеднике «Даурский» успешно реализована адаптированная к российскому законодательству классическая модель биосферного резервата в международном понимании этого термина.

В связи с этим, чрезвычайно актуальной для сохранения степных экосистем является необходимость редактирования статьи 10 Федерального закона от 14.03.1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях». Вместо морально устаревшего термина «биосферный заповедник» (в настоящее время биосферными стали также некоторые национальные и природные парки) следует ввести в российское законодательство новую категорию ООПТ под наименованием «биосферный резерват», предусматривающую дифференцированную структуру, в которой относительно небольшие участки с режимом заповедности (категория Ia «строго охраняемый резерват» для природных заповедников и категория Ib «участки дикой природы» для национальных парков) полностью окружены охраняемыми природными участками с менее строгим режимом и обязательно на значительных площадях, а не чисто символической 1-километровой охранной зоной. В соответствии с приоритетами управления охраняемых природных территорий, по режиму такая территория соответствует категории «IV. Управляемый природный резерват» по версии Международного союза охраны природы (IUCN).

ЛИТЕРАТУРА

1. Докучаев В.В. Труды Экспедиции, снаряженной Лесным департаментом с атласом карт и чертежей // Изв. М-ва землед. и гос. имуществ. – 1895. – № 3. – С. 38-41.
2. Бородин И.П. Охрана памятников природы // Тр. Бот. сада Имп. Юрьевского ун-та. – 1910. – Т. 9. – С. 297-317.
3. Чибилёв А.А. Степи заповедные. – Оренбург: Институт степи, 1997. – 16 с.

4. Позднякова Э.П., Лоскутов А.В., Скокова Н.Н. Башкирский заповедник. // Заповедники СССР. Заповедники Европейской части РСФСР. II. – М.: Мысль, 1989. – С. 234-263.

5. Голенко В.К. Древний Киммерик и его округа. – Симфеополь: «СОНАТ», 2006. – 408 с.,

6. Биота Тигирекского заповедника. // Труды Тигирекского заповедника. – Вып. 4. Барнаул, 2011. – 235 с.

7. Брагина Т.М. [и др.]. О концепции развития степных особо охраняемых природных территорий Казахстана // Степной бюллетень. – Новосибирск: Печатный центр «Копир», 2013. – № 39. – С. 30-35.

8. Атлас Казахстанской ССР. – ч. 1 – 1982.

9. Чибилёв А.А. Заповедное дело в степной зоне Евразии // Известия ОГАУ. – 2015. – № 6 (56). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/zapovednoe-delo-v-stepnoy-zone-evrazii> (дата обращения: 26.04.2017).

10. Файвуш Г.М. Степи в Армении // Степной бюллетень. – Новосибирск: Печатный центр «Копир», 2000. – № 8. - С. 46-48.

11. Борейко В.Е., Парникоза И.Ю. Критика регуляционных мероприятий на территориях строгого природоохранного режима (категория IA МСОП/IUCN). – К.: Логос, 2017. – 208 с.

12. Бриних В.А. Заповедная степь в климатическом круговороте // Степной Бюллетень. – Новосибирск: Печатный центр «Копир», 2014. – № 41. – С. 4-9.

13. Бриних В.А. Эколого-экономические критерии выбора формы охраны степных экосистем и категорий степных особо охраняемых природных территорий // Степи Северной Евразии: материалы VII международного симпозиума /под научной редакцией члена-корреспондента РАН А.А. Чибилёва. – Оренбург: ИС УрО РАН, Печатный дом «Димур», 2015. – С. 199-201.

14. Василюк А.В. Абсолютная заповедность и сохранение степного биоразнообразия // Степной бюллетень. – Новосибирск: Печатный центр «Копир», 2013. – № 39. – С. 10-15.

15. Дидух Я.П. Что мы должны охранять в степных заповедниках? // Степной Бюллетень. – Новосибирск: Печатный центр «Копир», 2014. – № 40. – С. 8-10.

16. Лысенко Г.Н. Степные заповедники и абсолютно заповедный режим: поиски компромисса // Степной Бюллетень. – Новосибирск: Печатный центр «Копир», 2014. – № 40. – С. 11—15.

17. Смелянский И.Э. Абсолютно заповедные степи? // Степной бюллетень. Новосибирск: Печатный центр «Копир», 2013. – № 39. – С. 4-5.

18. Титова С.В. Особо охраняемые территории степной зоны России: репрезентативность и эффективность в сохранении ландшафтов // Изв. РАН. Серия географическая, 2010. – № 1. – С. 103-111.

19. Стратегия сохранения степей России: позиция неправительственных организаций // Под ред. И.Э.Смелянского. – М.: Изд-во Центра охраны дикой природы, 2006. – 36 с.

V. A. Brinikh

*Institute of regional biological research
Maikop, Russia*

THE STEPPE NATURE RESERVES IN THE FORMER SOVIET UNION

This article is the most complete and relevant review of nature reserves (category I according to IUSN classification) in the post-Soviet space with the presence of steppe landscapes. A brief description of those reserves where steppe biomes are represented on large areas is given. The existing threats and problems associated with the conflict of interests of nature protection and economic development of regions, on the one hand, and the conflict of interests of the conservation regime and conservation of steppes in their modern form, on the other. New forms of territorial protection of steppe ecosystems on the basis of the established practice of conservation are proposed.

Key words: reserve, ecosystem, agrolandscape, biological diversity, steppe, steppe biome, forest-steppe, IUSN.

Поступила в редакцию 4 января 2019

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА РАЗВИТИЯ НООСФЕРЫ

УДК 008:001:14

*Е.В. Ушакова**Алтайский государственный медицинский университет Минздрава России,
Барнаул, Россия***НООСФЕРИЗМ И НЕКРОСФЕРИЗМ КАК ПОЛЯРНЫЕ СТРАТЕГИИ
XXI ВЕКА**

По мнению автора, преобразования в мире идут диалектическим путем, с развитием через противоположности, и шире – путем самодвижения с этапами саморазвития и самораспада частей мира и его систем. В том и в другом случае возникают противоположности. Уникальная по своему содержанию гуманистическая концепция ноосферы, сформированная и развивающаяся в русле идей русского космизма, представляет возможный идеал и реальную стратегию гармоничного существования человечества на планете Земля. Но не следует забывать, что в мире извечно существуют противоположности добра и зла, справедливости и несправедливости, любви и ненависти, созидания и разрушения, развития и распада. Поэтому наряду с концепцией ноосферы, стратегией (и учением) ноосферизма следует рассматривать противоположную стратегию некротифизма, которая реально вырастает из комплекса усиливающихся глобальных проблем социального и природно-экологического характера. В распадной по своей сути концепции некротифизма необходимо пристально исследовать те противоречия и конфликты, которые в социосфере формируют очаги и пути разрастания конфликтосферы, что в итоге завершается некротифией социально-природного бытия, иницируемой неразумно-алчной деятельностью человечества. Если данная стратегия усиливается, то вряд ли можно уповать на возможную реализацию стратегии ноосферы. Поэтому серьезные исследования должны идти комплексно в обоих направлениях. Подобно этому, в медицине, чтобы излечить болезнь, надо ее досконально знать, а путь к здоровью людей лежит через освобождение от болезней, эпидемий, через профилактику и оздоровление окружающей среды.

Ключевые слова: концепции ноосферы, конфликтосферы, некротифизма; стратегии ноосферизма и некротифизма; интегративный подход к преобразованиям социосферы, других геосфер.

В движении русской гуманистической мысли выделился ряд ведущих направлений религиозно-мистического, антропологического, научного, культурологического, философского характера, которые, несмотря на разнообразие, кажущееся несходство и даже несопоставимость идей, обладали неким универсальным ядром – пониманием базисного единства и гармонии бытия Бога, человека, мира людей и мира природы. Эти учения рушили барьеры, прежде всего, выставленные западной мыслью: между наукой и религией; материальным и духовным бытием человека; между экономическими и духовными закономерностями; между формально-

логическими и нравственными законами жизни людей; между алчным, покоряющим природу человечеством, природой как средством и товаром бытия безмерно потребляющих людей – и Природой-Матерью, колыбелью человечества; между эгоизмом и разумным альтруизмом; между бесконечными манипуляциями сознания и правдой жизни.

К учениям подобного рода можно отнести заветы нестяжателей в православной мысли, славянофилов, а в современном знании – евразийцев, с особенностями эволюции России–Евразии как особой северо-евразийской цивилизации [7; 14; 15; 16]. Это идеи религиозно-мистической и религиозно-интегративной философии, общенаучной картины мира, синтетическое знание о Мире (планеты, Космоса) как о единой Супермега-системе [3; 4; 17; 18; 22].

С указанных позиций следует отметить интегративные религиозно-мистические, религиозно-научные, религиозно-философские идеи В.С. Соловьева, Н.О. Лосского, Б.П. Вышеславцева, П.А. Флоренского, В.В. Зеньковского, И.А. Ильина и др. Можно отметить оригинальные идеи синтеза достижений отечественной и восточной философии в трудах Н.К. Рерих, Е.И. Рерих, Е.П. Блаватской, В.В. Малявина, Т.П. Григорьевой и др. Нельзя забывать социально-педагогические мысли А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, С.И. Гессена, И.Т. Фролова, П.С. Гуревича, В.А. Сухомлинского, А.С. Макаренко, Б.С. Гершунского и др. Это синтетические научные и научно-технические идеи М.В. Ломоносова, Д.И. Менделеева, А.М. Бутлерова, А.А. Богданова, К.Э. Циолковского, С.П. Королева, В.А. Обручева, И.А. Ефремова, В.И. Вернадского, В.П. Казначеева, Н.Н. Моисеева, А.И. Субетто, А.Д. Урсула и многих других ученых.

В итоге главные интегративные гуманистические идеи сформировали ядро современного синтетического российского мировоззрения: русского космизма (естественно-научного и религиозного, но не противоречивого, а взаимодополняющего характера) [16; 20; 21] и ноосферизма (с идеями ноосферы В.И. Вернадского, Э. Леруа и пневматосферы П.А. Флоренского) [4; 5; 6; 8; 11; 15; 16; 19] на базе идей системности (А.А. Богданова), системного подхода, системной философии [1; 2; 8; 23].

В этих идеях соотношение веры и знания не разведено по полюсам религии и науки. Напротив, здесь все более оттачивается понимание глубокого взаимопроникновения веры, знания, интуиции в разных областях познания. С одной стороны, в научном и научно-техническом познании преобладают знания эмпирико-теоретического и научно-прикладного подходов, но они отнюдь не оторваны от научной веры многих ученых. Недаром среди ученых существует шуточная поговорка о том, что в науке новые идеи могут пробить себе дорогу лишь тогда, когда отомрут приверженцы старых теорий. С другой стороны, в религиозно-мистических сферах познания, где преобладают религиозные догматы как основа веры, все же существует религиозный, мистический, бытийно-традиционный опыт, который может со временем изменять и некоторые догматы. В частности, это связано с процессом формирования мировых религий, например, с формированием особенностей католической и православной веры в христианстве.

При анализе современного миропонимания человека можно также говорить о разном соотношении в его сознании: веры (как безусловного доверия к передаваемым истинам) и знания (как понимания передаваемой информации на базе собственного багажа знаний, опыта, критического ума и развитой нравственности) – не важно, какого типа интегративные знания использует при этом человек. В целом можно сказать, что чем более образованным и воспитанным является человек, тем больше он пытается понять, осознать окружающий мир посредством собственных знаний, опыта, критического ума, интуиции и нравственной правды жизни. И напротив, чем меньшим багажом знаний, опыта обладает человек, тем более он полагается на веру в высшие божественные законы и/или иного характера силы мира и социума. К сожалению, сознание мало образованного и невоспитанного (или односторонне воспитанного) человека может быть и более подвержено манипулятивным воздействиям с очень разных позиций (как светских, так и религиозных).

Главная идея русского космизма состоит в том, что человек как микрокосм (осознающая мир частица Космоса) подобен Макрокосму (для нас – обозримой Вселенной и шире). Но космос существует несчетное количество лет

лишь потому, что в нем *в целом преобладает Гармония мира* как Супермегасистемы, а наблюдающиеся лишь в ее *отдельных частях* конфликты и распады на *отдельных этапах* самодвижения участков Единого Мира *не могут нарушить его общей цельности и согласованности бытия* [23, с.4-25].

Аналогично, *здоровые, гармоничные, оптимальные системы (Си)* микро-, макро- и мегамира имеют *баланс* собственного самодвижения (самопреобразования) на путях зарождения (самоорганизации), саморазвития, взрослого состояния и самополяризации, а затем естественного самораспада системы, с образованием новых дочерних систем, вновь проходящих свои жизненные циклы [22, ч.2, с.38-68] (рис. 1).

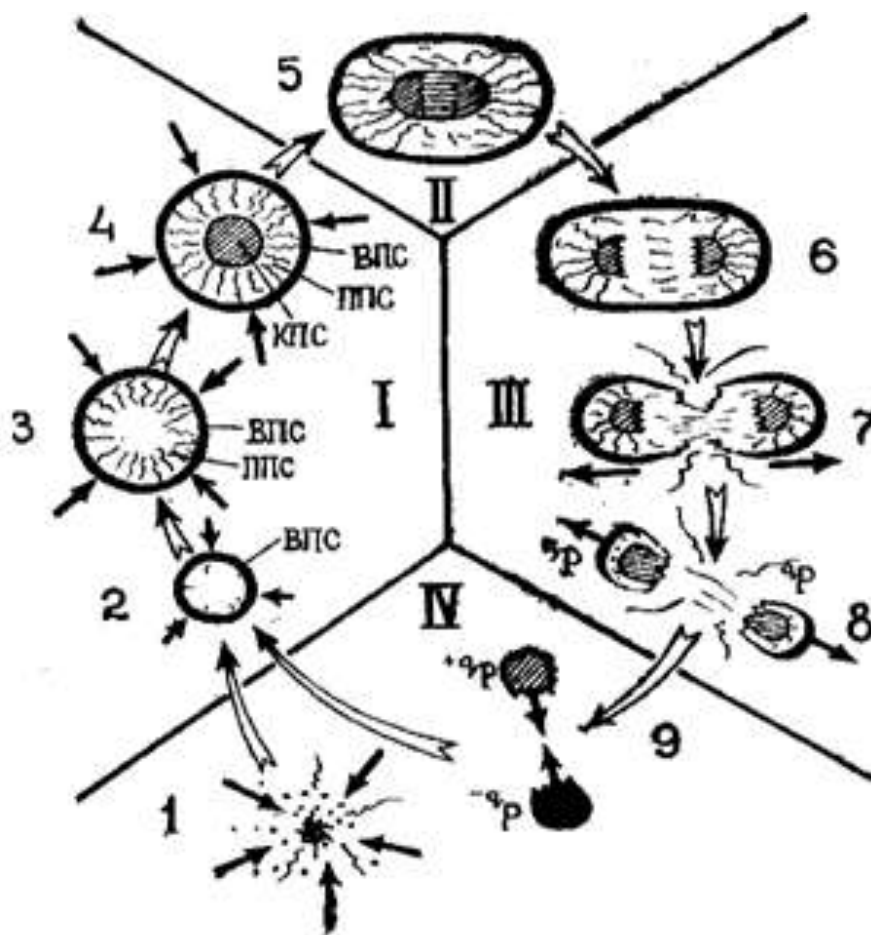

Рис.1. - Общая схема самодвижения симметричной аккумулирующей активной системы
 I – этап саморазвития системы (концентрации материи – веществ и энергий – системой); II – переходный этап самополяризации системы, III – этап самораспада системы (рассеивания материи из системы); IV – этап самоорганизации системы: или изначально из аттракторов предструктур (1) или из новых протоструктур за счет взаимодействия радикалов (9); 1-9 - стадии самодвижения активной системы; 1 - предструктура; 2 - протоструктура; 3 - незрелая структура; 4 - зрелая структура; 5 - поляризованная структура; 6 - структура с разорванным ядром; 7 - распадающаяся структура; 8 - образование радикалов; 9 - взаимодействие радикалов с образованием новой протоструктуры (2), ВПС - воспринимающие подструктуры, ППС - преобразующие-проводящие подструктуры; КПС - концентрирующие подструктуры; ⁹P - радикалы.

Но гармоничные преобразования систем невозможны без соответствующего баланса с окружающей средой (ОС) в процессе взаимодействий веществ и энергий системы и среды на основе экосистемных закономерностей. Все, за счет чего существует активная (живая) система, поглощается ею из окружающей среды (с последующими внутрисистемными преобразованиями) и туда же выбрасываются продукты жизнедеятельности (отходы) системы, которые окружающая среда перерабатывает, восстанавливает, вновь создавая жизнеспособную среду для системы за счет природного восстановления. Поэтому недостаточно говорить лишь о балансе, гармонии, оптимальном существовании системы. Обязательно необходимо учитывать системно-средовой баланс отношений и взаимодействий, системно-средовую гармонию, оптимальность, которая в научно-философском знании выражается через *экосистемные закономерности*, или законы существования экосистемных комплексов «Система – Окружающая среда», или экокомплексов «Си–ОС» (сокращенно: ЭК«Си–ОС»).

Иными словами, баланс и гармония жизни на всех уровнях бытия Мира-Системы обеспечивается: I) балансом здоровой активной системы, находящейся в самодвижении (с этапами самоорганизации, саморазвития, самополяризации и самораспада с образованием дочерних поколений с аналогичными циклами жизни родственных систем); II) экосистемным балансом активной (живой) системы и окружающей среды с таким постоянным обменом веществ и энергий, при котором возможно перманентное восстановление окружающей среды как базисного условия и материнского основания для жизни системы (систем) [22; 23].

Следовательно, в жизнедеятельности активных систем необходимо знать и учитывать два основных уровня закономерностей, постоянно взаимодействующих между собой. Это:

I) общие закономерности сбалансированного и/или несбалансированного (оптимального, здорового и/или неоптимального, нездорового) существования систем (Си);

II) общие экосистемные закономерности сбалансированного и/или несбалансированного (оптимального, здорового и/или неоптимального, нездорового) взаимодействия систем и их окружающей среды (окружающих сред): ЭК«Си–ОС», или короче – ЭК.

В процессе научно-философского анализа отмеченных выше процессов и отношений нами были получены следующие результаты в виде оптимологических закономерностей двух уровней – системных и экосистемных [23; 24], с опорой на оптимологию (О.С. Разумовский) [12].

I. Системные оптимологические закономерности.

Они отражают наличие основных типов активных (живых систем) в зависимости от баланса или дисбаланса их обменных процессов с окружающей средой (ОС). По балансу или дисбалансу (оптимальному или неоптимальному взаимодействию) систем и среды выделяем 4 основных типа систем. Это объясняется тем, что во взаимодействиях со средой у системы можно выделить лишь 4 основные типа, где мы схематично обозначим как (+) развитые взаимодействия и как (–) ослабленные взаимодействия. 1 тип: (+) прямые и (+) обратные связи и взаимодействия; 2 тип: (+) прямые и (–) обратные связи и взаимодействия; 3 тип: (–) прямые и (+) обратные связи и взаимодействия; 4 тип: (–) прямые и (–) обратные связи и взаимодействия.

Системы–трансформаторы, Си-Тр (сбалансированные по прямым и обратным системным связям) – неконфликтные, сбалансированные, системы-переработчики, более долгоживущие (рис. 2).

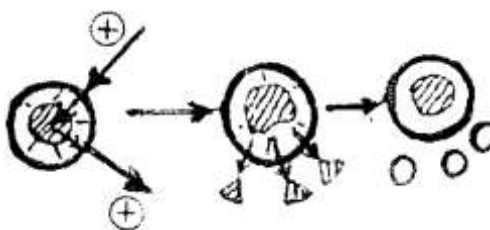

Рис. 2.- Системы–трансформаторы

Системы–аккумуляторы, Си-Ак (прямые связи преобладают над обратными, образуется дисбаланс с внутренней перегрузкой) – конфликтные, несбалансированные, активные накопители и саморазрушители (рис. 3).

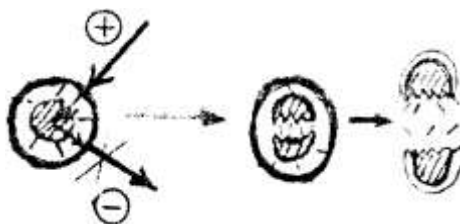

Рис.3. - Системы–аккумуляторы

Системы-деградаторы, Си-Дег (обратные связи преобладают над прямыми, идет внутреннее истощение системы) – несбалансированные, деградирующие системы, постепенно и закономерно теряющие активность, способность к развитию и воспроизводству и переходящие к типу пассивных (неживых) систем (рис. 4).

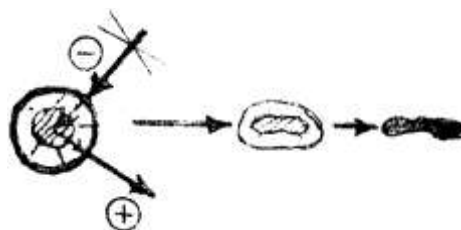

Рис. 4. - Системы-деградаторы

Системы-автоизоляторы (Си-Аи) (и прямые, и обратные системные связи резко ослабляются в экстремальной, агрессивной, жизненно опасной внешней среде – система переходит на определенное время в очень ограниченный режим существования за счет внутренних ресурсов) – это системы в режиме самосохранения при автоизоляции от внешних крайне неоптимальных условий (рис. 5).

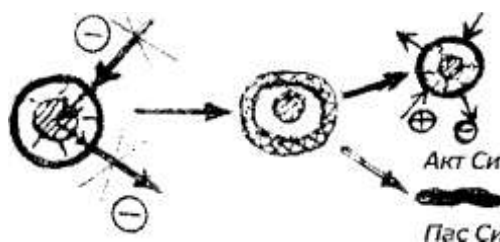

Рис. 5. - Системы-автоизоляторы

В целом следует отметить, что оптимальным, сбалансированным, здоровым является лишь первый тип систем – трансформирующих (Си-Тр), а следующие три типа: системы-аккумуляторы (Си-Ак), системы-деградаторы (Си-Дег) и системы-автоизоляторы (Си-Аи) являются несбалансированными. В них развиваются внутренние системные конфликты, или от избытка, или от недостатка соответствующих (комплементарных) веществ и энергий.

Если же говорить о внешнем воздействии указанных основных типов систем на окружающую среду, то оно также является неоднозначным – оптимальным или неоптимальным [3; 4; 9; 10; 13]. При этом формируются или долгоживущие, сбалансированные экосистемные комплексы (ЭК) или же неустойчивые, короткоживущие, распадающиеся и гибнущие ЭК «Си–ОС».

II. Экосистемные оптимологические закономерности.

Они отражают наличие разных типов взаимодействий систем и окружающей среды в экокомплексах. Можно выделить следующие закономерности преобразования экокомплексов (ЭК«Си-ОС»).

Они отражены на рис. 6, 7, 8, 9:

где (н) – необходимые (для системы) компоненты (вещества и энергии);
 (о) – отходы функционирования системы; (–) некомплементарная материя, не участвующая во взаимодействиях Си и ОС в данном ЭК;
 П.В. – природное восстановление (самовосстановление) необходимых компонентов в ОС;
 Си-Тр – система- трансформатор; Си-Ак – система-аккумулятор; Си-Дег – система-деградатор; Си-Аи – система-автоизолятор.

1. Баланс в ЭК«Си-ОС» при наличии Си-Тр (рис. 6).

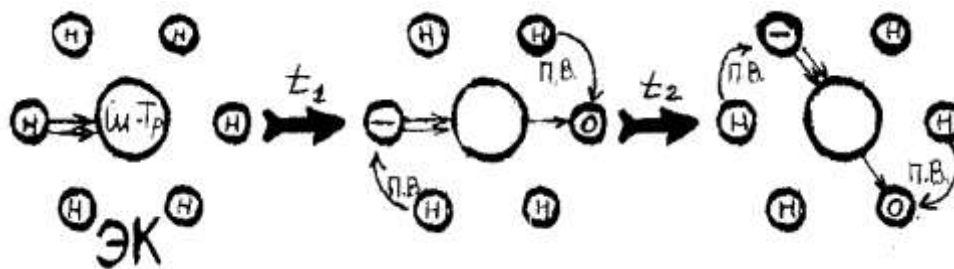

Рис. 6.

2. Дисбаланс и гибель ЭК«Си-ОС» при наличии Си-Ак (рис. 7).

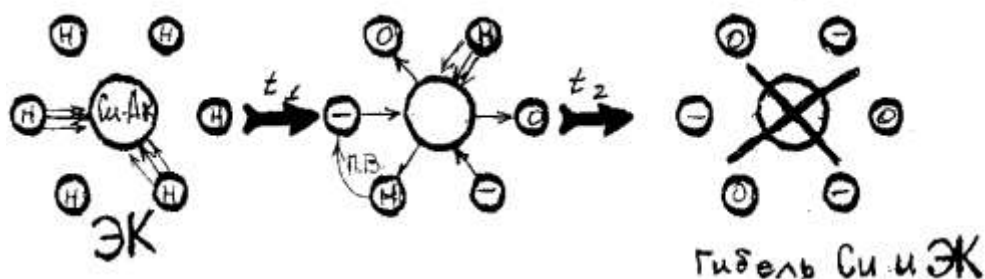

Рис. 7.

3. Дисбаланс в ЭК«Си-ОС» в истощенной ОС, с Си-Дег (рис. 8).

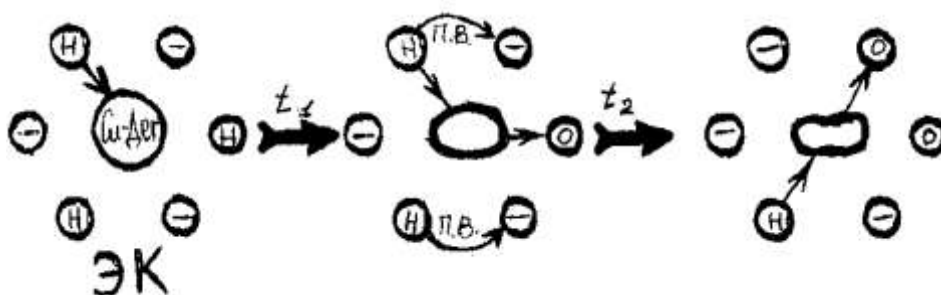

Рис. 8.

4. Дисбаланс в ЭК«Си-ОС» в агрессивной ОС, с Си-Аи (рис. 9).

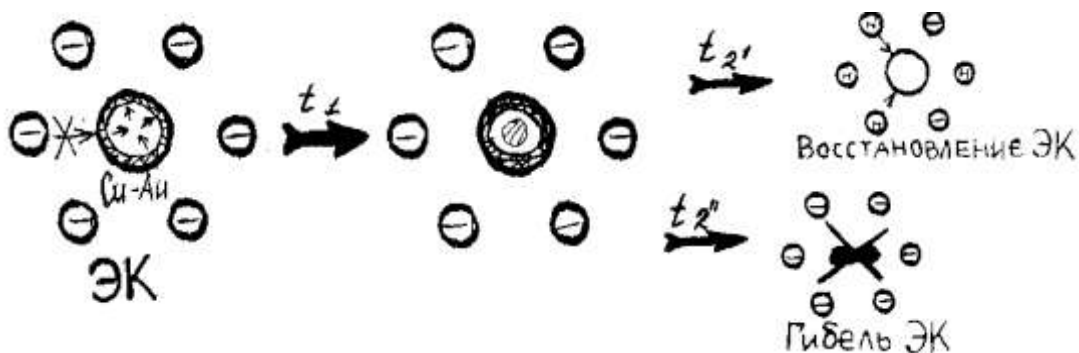

Рис. 9.

Из приведенных схем видно, что в первом случае баланс экосистемных закономерностей возможен, прежде всего, при наличии систем трансформирующего типа (внутренне сбалансированных), вступающих в комплементарное взаимодействие с необходимыми компонентами ОС, но с учетом возможности своевременного самовосстановления среды экосистемного комплекса (рис. 6).

Во втором случае внутренне несбалансированная система аккумулирующего типа поглощает из ОС значительно больше веществ и энергий, тем самым, закономерно истощая запасы необходимых компонентов в экосистемном комплексе. Потенциал природного самовосстановления ОС также значительно превышен, необходимые компоненты не успевают восстанавливаться. Кроме того, ОС все более наполняется отходами жизнедеятельности системы (систем), что в целом делает среду нежизнеспособной для данных систем, и они гибнут в изобилии собственных отходов (рис. 7).

В третьем варианте существования экосистемного комплекса рассмотрена истощенная ОС, с небольшим количеством необходимых компонентов для существования системы. В такой среде активные системы также истощаются, становясь системами деградирующего типа (рис. 8).

В четвертом случае рассмотрена закономерность существования систем в агрессивных средах (например, лиственные деревья зимой). В таких случаях обменные процессы Си и ОС практически прекращаются. Система самоизолируется, существуя определенное время в состояниях, близких к анабиозу, за счет собственных внутренних ресурсов. Если со временем агрессивные факторы среды прекращают действие (например, деревья весной), система «оживает», переходя к активным экосистемным взаимодействиям (рис. 9-2^I). Если же внутренние резервы системы исчерпаны, а среда осталась агрессивной (экстремальной), то система гибнет, переходя в пассивное (мертвое) состояние, или в пассивную (неживую) систему (рис. 9-2^{II}).

Нами рассмотрен наиболее простой и в то же время базисный уровень экосистемных закономерностей в ЭК«Си-ОС». Над ним «надстраиваются» более сложные взаимодействия групп взаимосвязанных экокомплексов, которые могут образовывать: эволюционно-экологическую смену ЭК; цепи ЭК (продляющие жизнь их сред и систем); циклы групп ЭК (способные в определенной степени восстанавливать среды и системы)

[23, с.90-107]. Но в связи с ограниченностью объема статьи мы не будем на них останавливаться.

Наша главная задача состоит в том, чтобы показать, что и в социуме, в общественных системах разного уровня действуют все выше отмеченные системные и экосистемные закономерности, но с учетом специфики – действия факторов индивидуального, общественного сознания и практически-преобразующей деятельности людей.

Иными словами, социальный мир также подчиняется системным и экосистемным закономерностям. Социокультурные системы возникают на определенном эволюционно-историческом этапе, проходят свой жизненный путь от самоорганизации, саморазвития до высшего уровня – естественной самополяризации и последующего угасания (но не полной смерти), с возрождением социокультурной системы в обновленном, дочернем виде (рис.1). Но такое естественное социальное бытие, отмеряемое столетиями и тысячелетиями, сменой в социосистемах множеств поколений людей, возможно лишь на базе экосистемной социально-природной гармонии, в которой перспектива жизни социума напрямую зависит от баланса его взаимодействий и от достижения гармонии с природой планеты как своей материнской основой и средой. При нарушении такого экосистемного баланса, при разрушении человечеством своих природно-экологических материнских оснований, оно неспособно долго существовать на планете и обречено на гибель.

III. Социальное проявление системных и экосистемных закономерностей.

Полагаем, что в отмеченном плане следует рассматривать несколько уровней организации человека и общества в масштабах взаимодействий общества и природы, с позиций идей оптимальности, неоптимальности и оптимологии [12]:

1. Уровень человека как исходной «элементарной клеточки» любой социосистемы, обладающей сознанием.

2. Уровень социосистемы как надорганизменной социальной целостности, несущей на себе, с одной стороны, сущностный отпечаток тех типов людей, которые организуют и наполняют определенную социосистему, шире – социокультурную систему, а с другой стороны, обладающей собственным типом организации и преобразования.

3. Экосистемный социально-природный уровень отношений человека, общества и природы (как материнской среды существования людей и социокультурных систем).

4. Экосистемный социально-космический уровень отношений человека, социосферы на Земле – с Космосом (ближнего и дальнего масштабов).

В связи с ограниченностью объема статьи рассмотрим лишь первые две позиции.

1. **Человек** обладает разумом. Он способен чувствовать и понимать окружающий мир, раскрывать законы Космоса, Мира-Системы, Природы и Социума с тем, чтобы затем использовать их в своей практической деятельности. Однако душа человека как движущий фактор его существования может быть не только целостной, гармоничной, совершенной, наполненной нравственными чувствами, светлым умом, творческой интуицией. Она также может оказаться неразвитой, деформированной, бесчувственной, безнравственной, с дробными (парциальными) мыслями дисгармоничного (эгоцентричного, разрушительного и т.п.) характера. Человек с деформированной душой (которого часто характеризуют как человека бездушного – без доброй и умной души) не имеет гармоничного сознания, которое способно создать собственную гармонию мыслей и действий и, тем более, гармонию с окружающим миром на основе нравственных, естественных и божественных, космических законов. Нравственность имеет в жизни людей особую ключевую роль, поскольку, действуя в виде глубинных чувств и совестливого поведения людей, представляет собой проявление их внутренней и внешней гармонии. А

безнравственность, бессовестность, напротив, есть проявления внутренней и внешней дисгармонии субъекта, «пусковые механизмы» разрушения человеческого в человеке.

Современная цивилизация обладает столь высоким уровнем развития, что способна отразить в общественном и индивидуальном сознании указанные выше законы бытия. Однако они должны перманентно и четко воспроизводиться в каждом новом поколении людей с помощью соответствующего гармонично-развивающего воспитания и образования. Порождать соответствующие нравственные чувства и мыследействия разума людей. Определять их индивидуальную и совокупную общественную деятельность на пути гармонизации окружающей природы, природно-социальных отношений, социальных отношений, а также самой личности – человека облагороженного образа (по выражению Д. Андреева в произведении «Роза Мира») [7; 15; 17].

К сожалению, оценивая человечество XXI века с этих позиций, мы сразу видим резкие деформации на уровне индивида, широко идущие процессы разрушения человеческого в человеке. С конца XX века все более нарастает постмодернистская тенденция «расчеловечивания» личности и перехода к постчеловеку. Это провоцирует нарастание конфликтов не только в самом человеке, но и в обществе, в природе. В православии гордыня отмечается как безусловный грех. В морали ему соответствует эгоцентризм, нарастающий эгоизм. С системных позиций, это человек с психикой аккумулирующего типа – дисгармоничного, внешне и внутренне конфликтного. Именно поэтому стратегической целью сегодня оказывается борьба за воспитание человека облагороженного образа, человека как микрокосма, творца и созидателя наилучших духовно-интеллектуальных и личностных свойств, а также гармоничных социальных и социоприродных отношений.

2. На уровне социосистем – государств (стран), сообществ государств, социосферы – первостепенное значение приобретают социосистемные

закономерности, которые выводятся из общих системных закономерностей (рис. 2, 3, 4, 5). Соответственно, можно выделить основные типы социосистем: **трансформирующие** (с относительным балансом прямых и обратных системных связей), а также несбалансированные – **аккумулирующие** социосистемы (в преобладании прямых системных связей поглощения веществ, энергий и информации), **деградирующие** (с преобладанием обратных системных связей выделения веществ, энергий и информации) и **автоизолирующие** социосистемы (более закрытые, с ограниченным обменом веществ, энергий, информации с неоптимальной окружающей социальной и природной средой). Наибольшую роль в социогенезе играют социосистемы первых двух типов – **трансформирующие** (наиболее сбалансированные) и **аккумулирующие** (несбалансированные, часто конфликтогенные).

Противоположные типы социосистем реально формируют **разные стратегии существования** общества на планете, ведут к столкновению цивилизаций [25]. Развивающийся в социальном и социально-философском знании *цивилизационный подход* в эпоху глобализации высвечивает, в том числе, принципиальное различие цивилизационных путей человечества. Один из путей ускоренного развития характерен для социосистем *аккумулирующего* типа, движущихся, по сути, в русле либеральной элитарно-массовой социальной организации (где эгоцентричная правящая часть общества управляет обществом в интересах этой части, вопреки всему обществу и за счет остального общества, с разграблением материнской природной среды). Аккумулирующие социосистемы, кроме того, ослабляют, разрушают и утилизируют в своих целях другие социосистемы (превращая последние в *деградирующие* социумы).

Социосистемы-аккумуляторы являются внутренне конфликтными, антагонистическими, в них преобладает паразитарно-хищническое отношение элит к окружающему миру. Часть иных окружающих социосистем, в целях защиты от нарастающей агрессии Си-Ак, вынуждена

«закрывать» по типу *автоизолирующих*. Разрушительному воздействию и утилизации со стороны аккумулирующих социосистем подлежат и *ресурсы природы*. В цивилизации, где главной целью являются безудержное обогащение олигархических слоев и их стремление к власти для увеличения прибылей, не может быть и речи о восстановлении баланса социальной и природной жизни. В итоге развивается глобальный катастрофизм, социосфера превращается в конфликтосферу, действует **некротическая стратегия** для общества и природы. По сути, это социальный и социоприродный патогенез.

Выходом из социального *конфликтогенеза и некрогенеза* может служить целенаправленный *переход социосистем от аккумулирующего типа к трансформирующему*. Это путь внутренне и внешне сбалансированных социосистем патернального типа (где правящая часть общества управляет обществом в интересах всего общества и сохранения материнской природной среды существования людей). Именно трансформирующие патернальные социосистемы способны к мирному сосуществованию, к сбалансированному взаимодействию с другими социосистемами, к разработке и реализации экотехнологий для восстановления природы планеты на пути гармонигенеза (оптимогенеза), *в соответствии с гармоничной сущностью Мира-Системы*.

Уверены, что только осознанное духовно-интеллектуальное преобразование социума способно оздоровить общество и природу, представляя собой социальный валеогенез (от термина «валеология» – наука о здоровье и путях его достижения). Сущность данных социальных и социально-природных преобразований отражена в разрабатываемой русскими учеными *концепции ноосферы как духовно-экологической цивилизации*. Она раскрывает главные смыслы **стратегии ноосферогенеза** как оптимистичного будущего человечества на планете Земля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданов А.А. Всеобщая организационная наука (тектология). Ч. 1-3. 3-е изд. – М.-Л., 1925-1929.

2. Берталанфи Л. Исследования по общей теории систем: Сборник переводов / Общ. ред. и вст. ст. В. Н. Садовского и Э. Г. Юдина. – М.: Прогресс, 1969. – С. 23-82.

3. Будько, Н.П. Учение о биосфере, научная картина мира и глобальные проблемы современности: к 125-летию со дня рождения В.И. Вернадского / Н.П. Будько, В.М. Федоров // Вестник МГУ. Сер. Философия. – 1988. – №. 1. – С. 55-64.

4. Буровский, А.М. Антропоэкология: теория антропогеосферы: (сущность, морфология, структура, динамика, история). 2-е изд. – М.: Вуз. кн., 2007. – 430 с.

5. Вернадский, В.И. Биосфера и ноосфера / В.И. Вернадский. – М.: Наука, 1989. – 258 с.

6. Данилова, В.С. Философское обоснование концепции нообиогеосферы / В.С. Данилова // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. – 2004. – № 2. – С. 50-64.

7. Зеньковский В.В., протоиерей. История русской философии. Т. 1-2. Воспроизведено по изданию: Париж: YMCA-PRESS, 1948. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Zenkovskij/istorija-russkoj-filosofii/

8. Моисеев Н.Н. Современный антропогенез, цивилизационные разломы. Эколого-политологический анализ // Вопросы философии. 1995. №1. – С. 3–30.

9. Олейников, Ю.В. Экологические ограничения бытия общества / Ю.В. Олейников // Философия и общество. – 2008. – № 3. – С. 90-108.

10. ООН: миру грозят серьезные последствия изменения климата // http://www.bbc.co.uk/russian/science/2014/03/140331_un_climate_change.shtml

11. Пивень П.В., Сапелкин В.С., Тарасова Е.И., Ушакова Е.В. Возможные стратегии человечества: ноосферы, конфликтосферы, некротосферы / Materials of the I International scientific and practical conference, «Science and Education» – 2014 / Vol. 3. Philosophy. Music and life. Sheffield. Science and education LTD (Мат-лы межд. науч.-практ. конф. "Euroscience – 2014", Белгород, 09.2014 г. Т.3.). – Belgorod - Sheffield Science and Education LTD. 2014. – P.12-21.

12. Разумовский О.С. Оптимология. Ч. 1: Общенаучные и философско-методологические основы. – Новосибирск: Изд-во ИДМИ, 1999. – 285 с.

13. Реймерс Н.Ф. Надежды на выживание человечества. Концептуальная экология. – М.: Россия молодая, 1992. – 365 с.

14. Русская идея. Антология / Сост. М.А. Маслин. – М.: Республика, 1992. – 496 с.

15. Русская философия. Словарь / Под ред. М.А. Маслина. – М.: Республика, 1995. – 655 с.

16. Русский космизм. Антология философской мысли / Ред. С.Г. Семенова, А.Г. Гачева. – М. Педагогика-пресс, 1993. – 368 с.

17. Сохряков Ю.И. Русская цивилизация: Философия и литература. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – 720 с. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://texts.news/filosofiya-nauki-knigi/chelovek-oblagorozhennogo-obrazaz-16383.html>

18. Степин В.С., Кузнецова Л.Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. – М.: ИФ РАН, 1994. – 274 с.
 19. Урсул, А.Д. Путь в ноосферу. – М.: Луч, 1993. – 275 с.
 20. Урсул А.Д., Урсул Т.А. Глобальный эволюционизм и эволюционная глобалистика. – М., 2013. – 78 с.
 21. Ушакова Е.В. Идеи русского космизма в анализе стратегий человечества в XXI веке / Социальные процессы в современной Западной Сибири. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2014. – Вып.15. – С.144-149.
 22. Ушакова Е.В. Общая теория материи: основы построения. Ч.1-3 (В 4-х кн.). – Барнаул: АГАУ, 1992. – Ч.1. – 126 с.; Ч.2. – 286 с.; Ч.3 (Р.1) – 287 с.; Ч.3 (Р.2) – 294 с.
 23. Ушакова Е.В. Системная философия и системно-философская научная картина мира на рубеже третьего тысячелетия. В 2-х кн. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1999. – Ч.1. – 264 с.; Ч.2. – 222 с.
 24. Ушакова Е.В. Системная философия: теоретический потенциал и практические приложения / Антология современной русской философии. Том 2. / Сост., вступ. ст. М.В. Бахтин. – М: Издат. дом "Энциклопедист-Максимум", 2017. – С. 137-157.
 25. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994, №1, с.33-48. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.politstudies.ru/>
-

E.V. Ushakova

*Altai State Medical University of the Ministry of Health of Russia,
Barnaul, Russia*

NOOSPHERIC AND NECROSPHERIC AS POLAR STRATEGIES OF THE 21ST CENTURY

According to the author, transformations in the world proceed along a dialectical path, with development through opposites, and more widely, through self-movement with the stages of self-development and self-decay of parts of the world and its systems. In either case, opposites arise. The humanist concept of the noosphere, unique in its content, formed and developed in line with the ideas of Russian cosmism, represents a possible ideal and real strategy for the harmonious existence of humanity on planet Earth. But one should not forget that in the world there are eternally opposites of good and evil, justice and injustice, love and hate, creation and destruction, development and disintegration. Therefore, along with the concepts of the noosphere, the strategy (and doctrine) of noospherism should be considered the opposite strategy of necrospherism, which really grows out of a complex of increasing global problems of a social and natural-ecological nature. In the essence of the necrosphere concept, which is decaying in essence, it is necessary to scrutinize the contradictions and conflicts that in the sociosphere form the centers and ways of the conflict sphere growth, which ultimately ends with the necrosphere of social and natural being, initiated by the unwisely greedy human activity. If this strategy is enhanced, then one can hardly hope for a possible implementation of the noosphere strategy. Therefore, serious research should go comprehensively in both directions. Similarly, in medicine, in order to cure a disease, it is necessary to know it thoroughly, and the path to human health lies through liberation from diseases, epidemics, through prevention and improvement of the environment.

Key words: noosphere concepts, conflict spheres, necrospheres; strategies of noospheric and necrospheric; an integrative approach to the transformation of the sociosphere and other geospheres.

Поступила в редакцию 7 января 2019

УДК 34: 316

Н. Н. Краснова

*Горно-Алтайский государственный университет,
Горно-Алтайск, Россия*

НООСФЕРНЫЙ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД К КОНЦЕПЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

В концепции ноосферы организующей идеей является стратегия формирования общих гуманистических оснований существования человечества на основе развития планетарного разума. Согласно идеям русской философии, в таком планетарном содружестве должны быть полноценно представлены все основные культуры человечества в их согласованности, отраженные в основных сферах бытия общества – социокультурной, правовой, политической, информационной и др. В данной статье речь идет о формировании социально-правовой сферы по важнейшему вопросу – прав человека в ноосферном бытии.

Общеизвестно, что с середины XX века права человека были закреплены в международном праве. Это был важный шаг на уровне международного сотрудничества в сфере защиты прав человека и гражданина в любой стране мира. Однако актуализация проблемы прав человека в настоящее время связана с обострением ряда вопросов на социально-культурной почве. Поэтому следует обратиться к социокультурным основаниям проблемы. Поставлены задачи: исследовать общую эволюцию проблемы прав человека в обществе; выявить ее специфику на Западе, на Востоке (в Индии и Китае), в России; определить пути интеграции разных правовых культур в ноосферной стратегии.

Применена диалектическая методология; социально-культурный и системный подходы; сравнительно-правовой, социокультурный, интегративный методы. Автором статьи исследована общая эволюция прав человека, в которой выделены три основные этапа. 1) право государства, где люди предстают как объекты права; 2) человек в праве, где в преобладающем государственном праве люди начинают осознавать свои права, становятся субъектами права; 3) права человека, где в частном праве формируется особая область прав человека.

Но в разных культурах эта общая эволюция социально-правовых отношений и прав человека шла по-разному. На Западе в условиях сложных отношений классовой борьбы формировались два главных направления: борьба угнетенных слоев за свои жизненные права; борьба нарождающихся правящих классов за право получать преимущественные свободы в социальном управлении нового либералистского социального типа. На Востоке (в Индии и Китае) вплоть до XX века существовали традиционные социальные отношения патерналистского типа, где во главе государства стоял правитель, заботившийся об обществе как о большой семье. Население, подобно детям, должно было слушаться и повинаться. В России в царской империи также основу правления составлял патернализм. Народом управлял царь-батюшка, ему люди доверяли, его слушались.

Таким образом, к XX веку только на Западе были осуществлены все три этапа эволюции прав человека. На Востоке и в России пройдены два первых этапа. Поэтому к середине XX века на международном уровне проблема прав человека была разработана на базе западной социокультурной традиции. Однако в XXI веке для снятия противоречий в проблеме прав человека следует применять не только западоцентризм в подходе к данной проблеме, но также интегрировать достижения других правовых культур, например, российских и восточных концепций (о которых идет речь в данной статье). По-видимому, в ближайшем будущем должен формироваться следующий этап

социокультурной и социально-правовой эволюции человека в ноосферной цивилизации. Это 4) этап – права́ и право-обязанное, свободо-ответственное поведение человека в обществе, гармоничное взаимодействие Человека, Общества и Природы.

Ключевые слова: ноосферная цивилизация, права́ человека, социокультурная эволюция человека в праве, специфика правовых культур Запада, Востока, России; ноосферная социокультурная интеграция прав человека.

Введение

В обществе XXI века происходят большие социальные преобразования во всех областях – политической, экономической, правовой, технологической, информационной и др. Значительно изменяется положение человека в обществе, а также то, как сам человек осознает свое место и роль в окружающем мире. С другой стороны, в информационном обществе качественно преобразуется сознание человека. Увеличиваются кругозор, возможности, социальные связи людей с окружающим миром. Расширение полей коммуникации человека требует от него знаний основных видов социальных отношений, своего места и роли в них. Но для этого необходимы не только общесоциальные знания, профессиональные компетенции, но обязательно общее социосферное мировоззрение, ноосферный подход к организации общества XXI века, соответствующие социально-правовые знания.

В социально-правовой области сформировалась особая отрасль права, которая исторически выделилась из частного права путем его дальнейшего развития и дифференциации. Она получила название «права́ человека». В концепциях русского космизма и ноосферы эта проблема также стоит остро, поскольку именно Человек, обладающий должными духовно-интеллектуальными и практически-преобразующими сторонами своего характера, способен воплотить в жизнь ноосферную стратегию. В ноосферном праве права человека также, безусловно должны присутствовать. но при этом встает ключевой вопрос о том, насколько современные международно-правовые позиции по вопросу прав человека соответствуют

ноосферным идеалам бытия людей, прежде всего, в отечественной научно-философской мысли.

В правовой сфере на уровне международного права со второй половины XX века также сформировалась особая область правовой реальности и отрасли права – международная сфера прав человека. Были приняты важнейшие международно-правовые документы: в качестве основы – «Всеобщая декларация прав человека» [15], а также следующие за ней важнейшие документы – «Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах», «Международный пакт о гражданских и политических правах» и др. [38]. Большинство стран одобрили и подписали эти документы. Были разработаны специальные механизмы защиты прав человека [1; 15; 38; 48]. В течение нескольких десятилетий осуществляется практика активного применения международных норм для интернационального подхода к правам человека, не только в масштабах европейского сообщества, но и во всем мире [55; 56; 57; 58; 59].

Концептуальный подход к исследованию

В XXI веке в постиндустриальном информационном обществе происходит значительное усложнение общественной жизни в любой стране. Расширяется спектр международных отношений, в которые в той или иной мере вовлечены все страны мира. В этих условиях права человека могут толковаться неоднозначно, с одной стороны, с позиций традиционных, социокультурных основ жизни в разных странах, цивилизациях, культурах, а с другой – на основе универсальных международных норм поведения и прав человека в обществе. В настоящее время, несмотря на закрепление основ прав человека в международно-правовых документах, при практическом решении ряда правовых вопросов места и роли прав личности в обществе возникают весьма неоднозначные мнения и решения. Это влечет за собой ряд правовых коллизий и юридических споров, что в целом свидетельствует о разрыве декларируемых правовых норм и реальной жизни людей в глобализирующемся обществе. Например, возникают противоречия

международного и разных видов религиозного права; имеются явные несоответствия в позициях разных правовых культур (например, западной и восточной, российской, традиционных основ жизни многих народов); из международных прав выводятся такие, которые в ряде стран вызывают несогласие (например, абсолютизация прав ребенка в ювенальной юстиции, или прав меньшинств, противопоставленных правам большинства трудящегося населения и т.д.).

В связи с этим правовед Г.К. Исакова подчеркивает, что до сих пор «остаются достаточно существенными различия между Западом и Востоком в понимании прав человека... они неуниверсальны как реальное объективное проявление для стран, не ратифицировавших этот документ (Декларацию – прим. Н.К.)» [25, с.1]. Встает ряд серьезных вопросов: «Как могут обеспечиваться права человека в мире и обществе, характеризующемся многообразием культур? Как добиться признания и равного уважения культурного многообразия и целостности в условиях все большей интеграции мирового сообщества?» И далее Г.К. Исакова указывает: «При поиске ответов на эти вопросы важно учитывать отмеченные нами процессы как глобализации (в форме международно-правовых стандартов), так и регионализации (в форме признания и уважения особенностей региона и образующих его государств)» [25, с.2]. Существует распространенное мнение, что права человека, провозглашенные в международно-правовых актах, в каждой стране реализуются своеобразно, лишь в своей конкретно-исторической, социально-культурной форме, с учетом специфики политического режима и политической системы в целом, на основе общественно-политических сил и существующих традиций [25].

Д.Д. Невирко указывает на ряд новых социальных процессов и усложнение проблемы прав и свобод человека и гражданина. С одной стороны, «...права человека выходят за рамки юридической категории, что позволило некоторым ученым назвать права человека одним из основных факторов устойчивого развития общества» [40, с.4]. С другой стороны, «на

новый уровень выходят проблемы взаимодействия и конкуренции прав и свобод, закрепленных в различных нормативных актах. Учитывая постоянно изменяющуюся правовую природу прав человека, появление огромного массива субъективных прав, ранее неизвестных праву и правовой науке, идет изменение приоритетов в вопросе соотношения различных прав и свобод» [40, с.5].

Е.А. Лукашева, В.А. Карташкин и др. указывают: «Заклучая международные соглашения по правам человека, государства добровольно отказываются от части своих суверенных прав в этой сфере и передают их международным органам, которые наделяются полномочиями “вмешиваться” в их внутренние дела» [42, с.312]. Но в то же время: «Большинство норм, относящихся к правам человека, тесно связано с политикой, идеологией, социально-экономическим строем государства, его национальными, историческими и иными особенностями. Поэтому при разработке таких норм противоречия и столкновения различных мнений приобретают зачастую острый характер и сторонам не всегда удается выработать взаимоприемлемые формулировки и положения» [42, с.313].

Е.В. Аграновская, О.А. Липинь и др., отмечают усложнение проблемы имплементации норм международного права в процессе фактической реализации международных обязательств по правам человека на внутригосударственном уровне. Также не является универсальным и способ включения международно-правовых норм в национальные правовые системы [47].

Постановка проблемы

Отмеченная социально-правовая проблема ставит исследовательскую проблему – изучения социокультурной специфики прав человека в разных культурах, цивилизациях и отыскания путей устранения противоречий в области государственного права разных стран и международного права, налаживания путей интеграции прав человека на индивидуальном, государственном и международном уровнях. В статье раскрывается часть

данной проблемы, согласно которой ставятся задачи: 1) выявить общую эволюцию прав человека в обществе; 2) исследовать специфику социокультурной эволюции проблемы прав человека в цивилизациях Запада, Востока (на примере Индии и Китая) и России; 3) предложить определенные пути интеграции понимания прав человека на основе традиций разных культур на пути формирования социально-правовых основ ноосферной цивилизации.

Методология и методы исследования

Использована диалектическая методология. Применены социокультурный и системно-философский подходы, а также методы индукции, дедукции, анализа, сравнения, экстраполяции, интеграции основных результатов.

Общая эволюция прав человека в обществе

Законодательное закрепление прав и свобод человека в обществе – это, несомненно, достижение современной цивилизации. Но этому предшествовал длительный эволюционный путь развития – от практически полного бесправия большинства людей в обществе к постепенному осознанию человеческих прав и наконец, к их юридическому закреплению в нормах права.

Автором прослежена эволюция отношений человека и традиционного сообщества; человека и права социосистемы; осознания человеком своих прав в обществе, а также реализации прав человека. При этом получены следующие выводы. Проблема прав человека изначально, «в зародыше», возникла в недрах традиционного общества, права государства и затем прошла в своем развитии ряд этапов. В общинном строе люди, не задумываясь, подчинялись руководству общины на основе табу и общинного протоправа (выстроенного на обычаях). В первых государствах также практически все население (за исключением правящего слоя) выступало как объект воздействия права государства. И в феодальном строе человек выступал, прежде всего, объектом права, опирающегося на религию. Эти

первичные эволюционные процессы можно охарактеризовать как первый этап эволюции отношений человека и права и соответствующим образом обозначить. Это первый этап – право общества (государства), где права человека еще не проявлены, существуют только в возможности, где человек предстает пока лишь как объект воздействий, без осознания своей социально-правовой свободы. Но этот этап показывает, откуда и как им образом возникают вопросы прав человека, развивающиеся в будущем в отдельную правовую и социокультурную проблему.

С бурным развитием промышленно-торговых отношений часть населения, приобщенного к этим процессам, стала осмысливать свое положение в обществе, место и роль в праве. Люди постепенно становились субъектами государственного права, начали осознавать свои возможности, выдвигать свои требования перед властью. Этот период общественной жизни, начиная с Нового времени и примерно до начала XX века можно охарактеризовать как следующий этап эволюции. Это второй этап – человек как субъект права, способный выдвигать свои требования по отношению к обществу, государству.

И лишь примерно со второй половины XIX века и в XX веке формируется третий эволюционный этап, где человек приобретает высокую социально-правовую активность и способен обозначить отдельно свой правовой статус в обществе и в праве. Это третий этап – права человека, который также можно обозначить как идентификационный, поскольку здесь человек осуществляет идентификацию собственных прав и свобод и пути их законной реализации. На этом этапе в XX – XXI веках формируется особая отрасль права (права человека) и сфера юридической практики.

Следующая задача встает при определении того, насколько реализуется общий эволюционный путь развития отношений человека и права и прав человека в разных культурах человечества. В связи с тем, что данная тема очень обширна, представлена множеством трудов по истории и теории правовых учений, культур народов, мы обратимся лишь к сравнительному

анализу основных культур Евразии – западной, восточной и российской. Сразу следует отметить, что общий путь эволюции проблемы прав человека наиболее полно прослеживается в западной культуре. Поэтому обратимся вначале к результатам ее рассмотрения.

Западный социокультурный подход к правам человека

Западная традиция изучения природного и социального мира, в том числе, происхождения, сущности, эволюции права и человека в праве является очень богатой. Она берет свое начало с античности, где появился ряд оригинальных и актуальных до настоящего времени социально-правовых идей, например, в мыслях Сократа, трудах Платона, Аристотеля, в идеях и постулатах римского права. В определенной мере эта традиция проявляется в средневековье, развивается в эпоху Возрождения. Но действительное богатство философско-правовой мысли на Западе начинается с Нового времени, достигая определенной вершины в трудах немецкой классической философии и большого разнообразия взглядов в XIX-XX веках в русле социологии, учений позитивизма. Западная традиция исследована в большом количестве трудов по истории философии, истории и теории права, истории и теории социологии, социальной философии. Труды наиболее известных мыслителей составили целые тома авторских сочинений (Платон, Аристотель, Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо, И. Кант, Г. Гегель, К. Маркс и Ф. Энгельс и др.), а также собраны в научно-философские сборники текстов – в философские антологии: античности, мировой философии, западной философии [3; 4; 8; 27; 28; 49 и др.]. Данный материал фундаментально представлен в ряде учебных изданий по истории права, политических и правовых учений. Это авторы и редакторы крупных обобщающих работ: С.С. Алексеев, Р.Г. Апресян, Д. Антисери, Г. Берман, Г.А. Борисов, О.Г. Данильян, Г.Г. Демиденко, М.А. Дынник, И.А. Ильин, С. Кашенко, М.Н. Марченко, И.Ф. Мачин, В.С. Нерсесянц, Б. Рассел, Дж. Реале, А.Ф. Черданцев и ряд др. ученых [8; 28; 37; 41; 43; 48; 49 и др.].

Как показало исследование научной литературы, наиболее важными историческими этапами развития права в западной социокультурной традиции, вслед за протоправом родоплеменного общества, являются: 1) античные формы права; 2) феодальное право, по преимуществу теологическое; 3) буржуазное право, закономерно переходящее в светскую форму; 4) современное право западного постиндустриального, информационного общества, имеющее преимущественно сциентистскую основу.

Еще в античном Риме система юридических понятий получила фундаментальное развитие. Сформировались две главные отрасли права – публичное (государственное) и частное право (из которого впоследствии выделилась отдельная отрасль «правá человека»). Но наиболее мощное развитие социально-философской и научной теории государства, права и прав человека произошло на Западе в Новое время, начиная с XVII века. Последовательно в историческом времени формируются: теория естественного права, историческая школа права, школа позитивного права (юридический позитивизм), философия права Г. Гегеля, материалистические воззрения на право и на человека в праве в марксизме.

Фундаментальной, содержащей в себе исходные и ключевые идеи прав человека, следует считать теорию естественного права, разработанную в трудах Т. Гоббса, Дж. Локка, Ш.Л. Монтескье, Ж.Ж. Руссо, Ф.М.А. Вольтера [4; 27; 28]. Общее во взглядах этих мыслителей следующее. Каждый человек, согласно своей природе, обладает естественными, неотъемлемыми правами (право на жизнь, право на свободу и пр.). Указанные права принадлежат людям от рождения и не могут быть отняты ни государством, ни обществом – это право свободы человека на свои естественные права. Естественно-правовая теория нашла свое одобрение в обществе и получила юридическое закрепление в истории, в нормативно-правовых актах Нового времени. Это: английская Великая Хартия Вольностей (1215 г.); Петиции о праве (Англия,

1628 г.); Хабеас Корпус Акт (Англия, 1679 г.); Билль о правах (Великобритания, 1689 г.) (История политических и правовых учений, 1999).

Наиболее значимые варианты концепции естественных прав человека отражены в произведениях Т. Гоббса (его труды «О гражданине», «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» и Дж. Локка (в главных трудах «Два трактата о гражданском правлении», «Опыт о человеческом разуме» [3, т.3; 27].

Общий смысл теорий общественного договора и естественного права, разрабатываемых в разных вариантах, заключается в следующем. Человек отдает часть своей свободы публичной власти государства, но взамен получает гарантии свободы и собственности, защищенные государственным правом, законом. Свобода превращает зависимого человека в гражданина, определяет его взаимоотношение с государством на законных основаниях. Это формирует гражданское общество, которое признает и соблюдает права человека. Государство же обязано использовать свою власть только во благо человека, общества в целом. Это, так называемое правовое государство – оно признает права человека, опирается на принципы разделения властей и верховенства права. В целом западные социально-правовые концепции Нового времени можно обозначить как либеральные (ставящие во главу угла свободу, хотя и различающуюся по смыслам – для чего? и от чего?). Во главу угла ставится исходное естественное равноправие людей в государстве общественного договора, признается свобода личности и охрана ее собственности. Это обеспечивается законами правового государства и порядком жизни гражданского общества.

Однако следует отметить принципиальное различие концепций государства и права Т. Гоббса и Д. Локка. Либеральные идеи государства и права Т. Гоббса открыто показывают отличия степеней свободы разных личностей, в результате чего права народа в законах государства-Левиафана практически не учитываются. А в идеях построения государства и права Д. Локка уже выдвигается требование равенства всех граждан государства (хотя

фактически оно может быстро преобразовываться в явное преимущество прав и свобод для избранных, как у Т. Гоббса). Такая внутренняя двойственность идей и практики правового государства, недостаточная определенность понятия правового государства заключает в себе социальную возможность быстрых законодательных преобразований – от равноправия и равных свобод для всего населения – к особым правам и свободам для избранных (для элиты) – и к бесправию определенной части населения, при утрате людьми экономической состоятельности и социальной свободы.

Исследование культурно-исторических основ развития концепта прав человека показало, что эта эволюция шла на Западе в условиях смены общественно-экономических формаций, классовой борьбы, развития научного и научно-технического прогресса. Поэтому имели место следующие особенности. Эксплуатируемые классы на заключительных стадиях существования социально-экономического строя начинали сопротивление обостряющейся эксплуатации в виде борьбы за собственные права. Развивались формы противостояния эксплуатации и борьбы за основные, жизненные, естественные права человека. С другой стороны, при смене общественного строя к управлению обществом приходили новые классы, которые также вели борьбу со старыми социально-правовыми порядками, но за расширение уже имевшихся ранее прав, за право управления новым нарождающимся обществом. Например, это было характерно для буржуазии в периоды буржуазно-демократических революций в Европе.

Одновременно развитие производственных отношений, техники и науки приводило к развитию передовой социально-философской мысли. Формировались социально-политические концепции, в которых важное место занимала тема прав человека. Таким образом, в концепции прав человека: во-первых, нашла отражение борьба людей с бесправием; во-вторых, борьба за расширение прав и свобод и полноправие власти. Кроме того, в научно-философской и философско-правовой мысли развивался

третий, промежуточный вариант концепции прав человека. В нем научной мыслью Запада был развит формально усредненный вариант правовой концепции, в котором были объединены два первых крайних варианта. В итоге была создана абстрактная концепция формального равенства прав и свобод человека в обществе как основа правового государства и гражданского общества. Позднее, в середине XX века эта западная социально-правовая концепция, в значительной мере усовершенствованная, составила основу международно-правовых актов по правам человека. Однако данная концепция по своей социокультурной природе – западная. Она учитывает, прежде всего, особенности западных социально-правовых традиций и социокультурную сущность формирования прав человека на Западе.

Но опыт применения международного опыта прав человека показал, что на этом уровне сталкиваются социально-правовые традиции разных культур, которые, по мнению представителей ряда государств, необходимо учитывать при решении юридических вопросов прав человека в обществе на этапе глобализации. В противном случае декларируемые принципы и реальная жизнь будут все более расходиться.

Ученый-правовед М.А. Супатаев следующим образом обосновывает необходимость цивилизационно-культурного подхода к праву. По его мнению, это путь – разных культурно-исторических форм права. Исследователь считает, что «всемирную историю в самом широком ее понимании можно представить как закономерное развитие в ходе культурно-духовной эволюции человечества ряда базовых крупномасштабных культурно-исторических образований человеческих цивилизаций и правовых систем, различающихся по системообразующим принципам культурного строя (а также цивилизаций-спутников, ответвлений и гибридных образований, возникших на перекрестках мощного поля соседних цивилизаций)...» [54, с. 116-117].

Соглашаясь с мнением ученого, укажем, что для разных культур и цивилизаций характерны: специфическая системная организация общества, базисная традиционная и исторически развивающаяся культура, своеобразная совокупность общественно-производственных технологий и пр. В результате формируется особый образ жизни населения страны, приобщенного к своей культуре. Он закрепляется в виде морально-нравственных устоев и законов общества. При этом складываются: общественно значимые ценности, специфический образ жизни людей со своими принципами, общественное мировоззрение, тип философствования, основу которых составляют дух народа, его мораль, убежденность, определенное отношение людей к себе и к окружающему миру.

Восточная (индокитайская) традиция о месте и роли человека в обществе

Теперь обратимся к правовой культуре Востока на примере Индии и Китая и рассмотрим в ней положение человека в праве, отношение человека и права.

Духовные основания индокитайской традиции богаты и специфичны. И хотя в классификации правовых семей эту традицию относят чаще к классу религиозных, мы считаем, что в ней не менее богатым является компонент общей традиционной культуры, где религия составляет только ее часть. Именно в таком ракурсе рассмотрим данную правовую культуру. В восточной традиции переплетается множество самобытных народных религий Восточной и Юго-Восточной Азии – шаманизм, буддизм махаяны, даосизм, легизм, синтоизм и пр. Но при этом приоритет буддийско-конфуцианской традиции очевиден. Поскольку Восток имеет ряд сходных черт бытия людей в традиционных обществах, он рассматривается в ряде трудов по восточной философии. Например: Васильев Л.С. «История религий Востока», в 2-х томах [11]; «История восточной философии», под ред. М.Т. Степанянца [26]; Завадская Е.В. «Культура Востока в современном

мире» [21]; «Антология мировой философии. Древний Восток» [5]; Индуизм. Джайнизм. Сикхизм. Словарь [24] и др.

Вначале обратимся к социокультурной и правовой традиции, сформировавшейся в Индии. Будем опираться на труды исследований по культуре и праву Индии в истории и современности. Это следующие работы: «Древняя Индия – Веды (священные индийские писания)» [18]; «Боги, брахманы, люди. Четыре тысячи лет индуизма», под. ред. Д. Збавител, перевод с чешского [9]; «Древнеиндийская философия», тексты с комментариями В.В. Бродова [17]; Крашенинникова Н.А. «Индуское право: история и современность» [31]; Мозолин Б.П. «Личность, право, экономика современной Индии» [39] и др.

Наиболее ранние письменные, одновременно философские, мифологические и религиозные источники Древней Индии – это «Веды» и др. [18]. Веды, по мнению большинства ученых, возникли между вторым и первым тысячелетием до нашей эры и сыграли главную роль в развитии духовной культуры древнеиндийского общества, включая философскую мысль.

В Ведах содержится синкретичное, т.е. еще не дифференцированное знание о Космосе, Богах, природе, традициях, бытии, верованиях и суевериях людей. а также часть естественных знаний о существовании людей в Мире. Согласно ведическим знаниям и выстроенной в соответствии с ними социальной организации, индийское общество было жестко разделено на особые слои. Это 1) сословия (варны) и 2) касты (профессионально-корпоративное деление). Традиционно выделяются четыре варны – как самые большие и значимые социальные слои. Это брахманы (первоначально священнослужители, жрецы, а затем и правители); кшатрии (воины, военная знать); вайшьи (земледельцы, ремесленники, торговцы); шудры (слуги, ремесленники, зависимые люди).

Касты представляют собой, по сути, дальнейшее деление варн и их все более глубокую дифференциацию по разным признакам, в том числе, по виду

деятельности и социальному положению [9; 34]. Как следует из указанных источников, чаще всего каста – это замкнутая профессиональная корпорация в Древней Индии, принадлежность к которой передается по наследству. Каста – группа людей, объединенных специфическими занятиями или профессиями. Каждой касте соответствует свой свод правил, регулирующих поведение людей в общении между собой и по отношению к членам других каст. По мере разрастания и усложнения индийского общества увеличивалось число каст и подкаст. В настоящее время их существует несколько тысяч. И до сих пор в ряде частей страны, несмотря на служебные успехи, богатство и политическую власть отдельных людей, их переход из одной касты в другую оказывается практически невозможен.

Основной нормой правильного поведения для представителей различных варн (сословий) является дарованная божеством драхма. Драхма – это одновременно и закон, и долг, и нравственная норма поведения, и обычай и т.д. Иными словами, драхма, является такой синкретической нормой, которая регулирует множество сторон жизнедеятельности людей, определяет систему обязанностей и прав человека. Касты углубляют социальные и социально-правовые различия в обществе, образуя социальную иерархию. Такая иерархия подкрепляется идеей о том, что каждая из каст обладает своей «чистотой», которая не должна быть запятнана контактом с некоторыми предметами, а также общением с членами низших каст.

Кастовые запреты в Индии, традиционно, имели характер табу и снимались лишь в редких случаях. При столкновении в реальных жизненных ситуациях кастового права (особого для отдельных каст) и государственного права (общего для всех граждан страны) происходило нарушение норм, видов ответственности и наказаний, общих для всех граждан государства, например, при вынесении наказаний в случае краж, убийств представителями разных каст. На протяжении длительного времени в Индии, как в стране с многочисленными кастовыми группами, нарушение этих правил приводило к

юридическим санкциям, которые признавались судами на основе так называемого индуcского права.

Так, до 1949 г. индийские суды признавали недействительными смешанные браки между членами разных каст и определяли положение детей, родившихся в таком браке, как незаконнорожденных [39]. До сих пор кастовая система основывается на кастовых запретах, а также на строгих религиозно-культурных традициях и нормах семейного и внутрикастового права. В настоящее время данная социально-культурная организация также в значительной мере определяет социальную жизнь в Индии [54].

П.В. Ульянищев изучал социальные правозащитные институты в Республике Индия на рубеже XX-XXI веков. Им отмечены как позитивные современные сдвиги, так и традиционные силы социально-правовых отношений [55]. Автор констатирует, что Конституция Индии 1950 года закрепляет, так называемые, основные или фундаментальные права человека в части III. Это право на равенство, право на свободу, личные свободы, право на защиту от эксплуатации, права в области культуры и образования, право на конституционные средства защиты, право на свободу вероисповедания. Однако практическая повсеместная реализация этих прав весьма проблематична. Она осложняется удаленностью, а порой и недоступностью некоторых мест проживания людей, с этническим и конфессиональным многообразием населения, приверженностью традициям значительной части сельского населения [55]. Изложенные факторы определяют выраженное своеобразие проблемы прав человека в Индии.

Далее мы обратимся к исследованию эволюции проблемы прав человека в Китае. Сразу подчеркнем, что общая и правовая культура Китая также весьма своеобразна. Ее основу составляют мировоззрение и традиции китайского общества. Оно исследуется в трудах ряда специалистов. Например: Васильев Л.С. «Проблемы генезиса китайского государства» [12]; Малявин В.В. «Китайская цивилизация» [36]; Букатая М.В. «Аксиологические основания взаимодействия традиций и новаций в культуре

Китая» [10]. Также важное значение имеют труды правоведов по Китаю: Э.З. Имамова, Е.В. Куманина, Е.И. Кычанова, М.А. Супатаева, А.Х. Саидов, А.Ю. Тюрина, И. Цуэно и др. [23; 30; 33; 35; 52].

В Китае сложились прочные социально-правовые традиции, пришедшие из глубины веков, прежде всего, на основе конфуцианства. Данные литературы показывают, что традиционное (древнекитайское) право опиралось, прежде всего, на конфуцианство и легизм. С течением времени на китайское право оказывали влияние и другие философско-этические концепции. Однако они не изменили основ правовой традиции и правовой истории Китая.

Исходные древнекитайские учения, подобно индийским, также синкретичны. Общую основу культуры, по мнению китаеведов [10; 12; 33; 34; 36 и др.], выражает постулат «три учения составляют одно» («сань цзяо хэ и»). Позднее возобладало извечное стремление китайского характера к свободе духа (поскольку именно даосские монахи сформулировали концепцию «сань цзяо хэ и»). И сейчас, по выражению востоковеда Л.Е. Бежина, на службе, в присутствии, в конторе китаец – конфуцианец, а дома, наедине с книгами, свитками живописи, лаковыми шкатулками – даос и буддист [цит. по 10, с.63]. Традиционная культура Китая целостна, но полиструктурна, имеет несколько культурных корней в виде конфуцианства (ведущее направление), а также даосизма, китайского буддизма и народных культов. Ценностные установки китайской традиционной культуры (например, тезис «гармония всего ценней, терпение всего выше» («хэ вэй гуй, жэнь вэй гао»), даосский принцип совместного рождения («бин шэн») всего сущего и буддийский – «у всего содеянного обязательно есть воздаяние (возмездие)» и др. формируют уравновешенно-практичное отношение к миру и закладывают фундамент системы ценностей человека в Китае [10, с.40].

А.Х. Саидов указывает основную структуру и сущность китайской правовой традиции: «Многовековая история Китая породила многочисленные философские идеи. Из них только три – даосизм,

конфуцианство и легизм оказали решающее влияние на китайское правопонимание, составившее затем основу дальневосточного права» [53, с. 323].

В императорском Китае конфуцианство играло роль особой «социальной религии», мировоззрения, просуществовав таким образом в организации китайского государства и общества почти в неизменном виде вплоть до первой половины XX века. Затем это учение не было заменено на «три народных принципа», ставших основополагающими в Китайской Народной Республике (КНР). Однако в XX веке социально-этические принципы, заложенные в конфуцианстве, негласно продолжали действовать, в том числе, в социалистическом Китае. А с конца XX века и в настоящее время эта традиция возродилась и удивительным образом вошла во взаимодействие с новым этапом модернизации и развития постиндустриального «перестроечного» Китая.

В современной социальной и социально-правовой культуре конфуцианства основное место занимают вопросы этики, морали, нравственной природы человека и приобретенных качеств, поведения в обществе, взаимоотношений с другими людьми. Господствует представление о том, что общество и государство образуют строгую иерархическую пирамиду, где практически нет двух индивидуумов, равных по своему социальному статусу. В таком обществе огромную роль играют послушание и прилежность в выполнении всех дел. А.Х. Саидов в сравнительном правоведении подчеркивает, что по конфуцианской модели, именно мораль, а не право является первоосновой общественной жизни. Управлять в обществе прежде всего должны люди, а не законы. Право в этой модели – лишь репрессивное орудие, применяемое при отсутствии межличностного понимания. Следовательно, это лишь нежелательное зло.

Несомненно, значительные изменения в правовой системе Китая и в отношении людей к праву и морали произошли в правовой системе Китая в XX веке. В период китайского социализма были выделены, так называемые,

этапы практических испытаний как этапы развития и модели построения социалистического общества.

С 80-х гг. XX века в Китае началась эпоха модернизации социализма по пути меркантилизма, коммерциализации и конкуренции, которая продолжается до сих пор как общая стратегия конвергенции принципов социализма, государственного капитализма и постиндустриального общества. Однако, несмотря на это, именно в сознании людей до сих пор сохраняются принципы конфуцианской морали. Как отмечает Б.С. Ерасов, специфика социокультурного развития Китая была в значительной мере преобразована в период модернизации социального строя в XX веке и особенно на рубеже XX-XXI веков. Это происходило на базе концепции «вестернизации», воспринявшей капиталистические методы хозяйствования, экспансию Запада как «всемирной цивилизации», но с сохранением социалистических устоев. Но практическая реализация такой стратегии в течение длительного времени оказывается сложно выполнимой [20, с.364-365].

Сегодня не только в Китае, но и в целом в странах конфуцианской Азии делается особый акцент на прагматических аспектах духовности на фоне экономического взлета и прагматичного рационализма [23; 33; 44]. В результате и в XX веке: «Современное право КНР – это сложный по содержанию, объективно обусловленный масштаб свободы, выражающийся, во-первых, через систему глубоко укоренившихся в сознании народа традиционных представлений о должном поведении, поддерживаемых силой моральной ответственности перед обществом, во-вторых, через систему общеобязательных формально определенных норм, поддерживаемых силой государственного принуждения» [52, с.332].

Обобщая в целом духовно-правовой путь осмысления жизни человека в традиционных культурах и правовых системах Индии и Китая, отметим следующее. На ранних этапах существования рассматриваемых восточных культур человек мыслился лишь как индивид, как мыслящий объект

социокультурных отношений, обязанный подчиняться нормам общества на основе табу, родовых устоев, мифов, религий, традиций, господствующего мировоззрения и пр. Лишь постепенно, со временем, особенно в высших слоях социума человек все более осознавал себя как личность, способную к управлению и самоуправлению на основе традиционно-культурных знаний. Постепенно шло превращение человека в субъекта права, хотя и на традиционной основе – ведической, индубуддийской традиции в Индии и преимущественно конфуцианской – в Китае.

Это, с одной стороны, был многовековой путь жизни народов в согласии со своими исконными социокультурными устоями на основе синкретичного социокультурного религиозно-этико-правового мировоззрения. С другой стороны, сильный отпечаток отложили на этот путь периоды европейской колонизации. Большое влияние на преобразование нравственно-правовых устоев рассматриваемых государств и культур Востока оказали общецивилизационные нововведения XX – начала XXI веков.

Нарастающее столкновение и непростое взаимодействие, с периодами принятия и отторжения, восточной культуры с наиболее активным, а порой и агрессивным воздействием на нее западной цивилизации и западного права, привело к сложным конгломератам мировоззренческих и социально-правовых знаний, значение которых трудно оценить однозначно, как положительное или отрицательное – оно разноплановое. В этих процессах, с одной стороны, шло сближение форм восточного и западного гуманизма, а с другой – проявились его качественные различия. Главное отличие восточного гуманизма состоит в том, что он опирается на баланс отношений людей. А западный гуманизм выстраивается преимущественно на эгоцентризме, с органичным включением в него принципов конкуренции и успешности. Но именно в этих процессах непростого взаимодействия правовых культур Востока и Запада в XX веке зарождались и развивались некие общецивилизационные принципы прав человека как особой области

права не только в масштабах отдельных государств, но и на международном уровне.

Таким образом, в восточном мировоззрении и в социальной культуре (которая в правовой литературе часто обозначается как дальневосточная) понимание права и прав человека имеет несомненную специфику и отличия от западной культуры и правовой организации западного общества.

*Русская концептуальная традиция о право-обязанном поведении
человека и об ответственном государстве*

А теперь обратимся к русской мировоззренческой и правовой традиции в отношении прав человека. Эта традиция понимания общества и человека имеет не только несомненную специфику, но и глубокое мировоззренческое, философско-теоретическое обоснование в трудах отечественных мыслителей и общественных деятелей. Это: Н.Н. Алексеев, Н.А. Бердяев, Б.П. Вышеславцев, В.В. Зеньковский, И.В. Киреевский, И.В. Михайловский, П.Н. Савицкий, В.С. Соловьев, П.А. Сорокин, Н.С. Трубецкой, Г.П. Федотов, Г.В. Флоровский, П.А. Флоренский, С.Л. Франк, А.С. Хомяков, Б.Н. Чичерин, Г.Ф. Шершеневич и др. [7; 50; 51 и др.]. Важное значение в понимании проблемы имеют обобщающие исследования современных ученых, глубоко анализирующих и обобщающих богатое наследие русской философской, этической и правовой мысли. Это, например, следующие труды: Ахиезер А.С. «Россия: критика исторического опыта»: в 3-х т. [6]; Багдасаров В.Ю. «Русская правовая мысль и теория правотворчества: прошлое и современность» [7]; Величко А.М. «Философия русской государственности» [13]; Гумилев Л.Н. «От Руси до России; Этносфера. История людей и история природы» [16]; Кузнецов Э.В. «Философия права в России» (Кузнецов, 1989) [32]; Пащенко В.Я. «Идеология евразийства» [46]; «Русская философия права: философия веры и нравственности: Антология». Составители А.П. Альбов, Д.В. Масленников и др. [50]; «Русская философия: Словарь». Под ред. М.А. Маслина [51] и др.

Основной смысл отечественного мировоззрения состоит в неразрывности понимания традиции, человека, нравственности, веры, общества, морали – как взаимосвязанных в процессе всей индивидуальной и социальной жизни. В этой традиции невозможно расчленять веру и разум, нравственность и закон, мораль и право, правителя и народ, православие и самодержавие. В такой идеологии, согласно В.С. Соловьеву, теософия, теократия и теургия в социально-индивидуальной жизни способны внести гармонию в отношения личности и общества. В данной идеологии бытия, права человека неотделимы от его обязанностей, а степень свободы личности должна быть соразмерна степени ее ответственности перед другими людьми и обществом на основе веры.

Описание русской концептуальной традиции понимания человека в праве и прав человека четко проявляется в трудах мыслителей Нового времени, начиная с XVII-XVIII веков, хотя своими смысловыми корнями она уходит в более глубокие времена, к оппозиционным взглядам «иосифлян» и «нестяжателей» (в будущем – концепций западников и славянофилов). Представителями русской естественной школы права являются И.Т. Посошков, В.Н. Татищев, Ф. Прокопович.

Начиная с Ф. Прокоповича и В.Н. Татищева, в России впервые предпринимаются попытки приспособить западную теорию естественного права и договорного происхождения государства для обоснования абсолютной монархии. Ф. Прокопович первым обратился к договорной теории происхождения государства. Согласно теории естественного права, он различал: 1) состояние первоначальной природной вольности людей; 2) государственное состояние. Он считал, что в государственное состояние, которое обеспечивает людям мир и общее благо, люди перешли «не без смотрения Божия». Люди заключили соглашение об отказе от всех своих прав в пользу суверена: «Народ воли общей своей совлекся и отдал оную монарху своему». Народ должен был «без прекословия и роптания все от самодержца повелеваемое» терпеть; терпеть «нестроение и злонравие»

государя; не судить дела государя [37, с.184-185]. Но идейно Ф. Прокопович пытался приспособить западную правовую концепцию к российской социокультурной концепции.

Во второй половине XVIII в. С.Е. Десницкий и А.Н. Радищев под влиянием западной политико-правовой мысли и революционных преобразований стали оспаривать правомерность абсолютной монархии. Развивали идеи о равенстве людей, о неотчуждаемых правах и свободах человека применительно к российской действительности. Правовые идеалы А.Н. Радищева в дальнейшем были использованы и развиты декабристами, А.И. Герценом, Н.Г. Чернышевским и др. русскими мыслителями.

Но наиболее глубокие основания российской правовой культуры были исследованы в наиболее ярких трудах ученых XIX века в лице И.В. Киреевского [29], а затем в XX веке в трудах евразийцев, в лице Н.Н. Алексеева [2].

И.В. Киреевский четко выразил специфику социального права и прав индивидов в западной культуре в отличие от российской. Он подчеркивал – что «видим мы в самых знаменитых законах римских, где стройность внешней формальности доведена до столь изумительного логического совершенства при изумительном тоже отсутствии внутренней справедливости» [29, с.162]. Между тем как римско-западная юриспруденция отвлеченно выводила логические заключения из каждого законного условия... право обычное, напротив того, как оно было в России, вырастая из жизни, совершенно чуждалось развития отвлеченно-логического... Там каждая насильственная перемена по логическому выводу была бы разрезом ножа в самом сердце общественного организма [29, с.183]. «Весь частный и общественный быт Запада основывается на понятии о индивидуальной, отдельной независимости, предполагающей индивидуальную изолированность... Каждый индивидуум – частный человек, рыцарь, князь или город – внутри своих прав есть лицо самовластное, неограниченное, само себе дающее законы» [29, с.2].

Согласно русской традиции, невозможно права человека рассматривать без глубинной взаимосвязи с наукой о государстве и с правом. Государственно-правовой демократический идеал, по мнению Н.Н. Алексеева, покоится на «трех китах». Это: а) принцип формальной законности; б) принцип неотчуждаемых личных прав; в) всеобщее, равное и тайное волеизлияние граждан, достигших 18-летнего возраста [19, с.102]. Права личности (или пресловутые «права человека») – это абстракция, требующая конкретного содержательного наполнения, причем гарантироваться должны в первую очередь не вторичные права на собственность, свободу слова, печати, собраний и т.д., а на первичные права личности на труд, на образование, на сохранение индивидуального и национального достоинства, а, самое главное – на личное совершенствование [19, с.102-103].

По мнению Н.Н. Алексеева: «У человека... есть только одно неоспоримое право – это право на внутреннее духовное развитие. Отрицание этого права уничтожает у человека качество быть человеком... Хартии свободы, как они возникли на Западе, в "Декларации прав человека и гражданина" включают в себя много случайного... Главным их недостатком является то, что они формулируют не принцип духовной свободы, а некоторые конкретные способы его достижения, абсолютизируя иногда эти способы, делая из средств цели» [2, с.599]. Сходным образом и другие пункты демократических деклараций, как то свобода слова, печати, мнений и т.п., провозглашают в качестве принципов специально свойственные западной культуре средства к духовному самоопределению... Ибо какую принципиальную ценность имеет, например, свобода печати, если она не служит духовной жизни человека? Не будем же мы защищать ее с той точки зрения, что она является удобным средством для политических интриг, для борьбы партий, для политической агитации и т.п. [2, с.317-318].

По мнению Н.Н. Алексеева, главное заключается в правде взаимного служения: народа – государству, а государства – народу. Концепции

«естественного права», «правового государства» и «прав человека» отражают лишь одну из линий развития, когда права, первоначально присущие лишь верхушке общества, оторвавшейся от народа (по существу, в этом вопросе ученый вышел на развившуюся позднее теорию элит), постепенно распространяются на всех его членов. Но при этом сущность свободы «верхов» неадекватна содержанию свободы «низов», в связи с чем и вся концепция прав человека становится неправдоподобной. Альтернативный путь – в постановке на первое место не прав, а обязанностей. Такое государство Н.Н. Алексеев обозначил как «тягловое государство». По нашему мнению, ученый преувеличил противоположную, альтернативную сторону диалектических отношений. По-видимому, наиболее приемлемой является относительно паритетная диалектика прав и обязанностей человека в соответствующем государстве, где мера свободы социального субъекта соотнесена с мерой его ответственности перед людьми и обществом.

В социально-философском и философско-правовом отношении представленная позиция евразийства важна для нас тем, что она раскрывает ряд положений о специфике российской социокультурной традиции. Позволяет определить социальный и правовой статус Государства Российского и человека в нем, в разных его вариациях – от царской России до СССР и вплоть до социокультурного взаимодействия Российской Федерации и стран в СНГ на постсоветском пространстве. Главная идея заключается в том, что наша цивилизация – одна из древнейших. Она имеет огромный социально-культурный опыт мирного сосуществования и творческого взаимодействия народов в процессе созидательного труда на огромных территориях планеты и в определенной мере может служить прообразом будущей мирной глобальной созидательной цивилизации. В такой цивилизации ключевое почетное место отводится человеку-труженику, человеку-созидателю, охраняющему и окультуривающему среду своего природного и социального существования. В первую очередь, должны быть обеспечены права человека – труженика, созидателя, творца, широко

образованного, воспитанного, обладающего качественными профессиональными знаниями, занимающего свое достойное место – в соответствии с социальным статусом и положением личности в современном сложно организованном, дифференцированном обществе, на пути его эволюции к ноосферной (духовно-экологической) цивилизации [22; 53].

Заключение

Историко-культурный анализ проблемы прав человека показал, что ранее всего она выделяется и определенным юридическим образом решается в западной цивилизации. В общемировоззренческом плане, она предстает как проблема правового гуманизма. В традиционных цивилизациях Востока (Индии и Китая) и России данный этап формирования прав человека наступает позже, в значительной мере инициируется западным цивилизационным подходом. С одной стороны, это имеет позитивное межкультурное значение для развития правового гуманизма. С другой стороны, на практике проявляется принципиальное цивилизационно-культурное различие правового гуманизма в разных традициях. Если западный гуманизм имеет преимущественно эгоцентричный характер, с индивидуалистически-частным подходом в праве, то российский и восточный (индо-китайский) гуманизм в своей основе содержит идеи этико-правовой гармонии личностей, постоянно взаимодействующих в сложной социальной реальности [16; 45]. Поэтому, безусловно позитивный, процесс интеграции идеи прав человека на государственно-традиционной и международной основе, требует специального пристального рассмотрения и сравнения социально-культурных и социально-правовых традиций в отношении вопросов человека в праве и прав человека на Западе, Востоке и в России. Подчеркнем, что глубокие теоретические исследования места и роли человека в праве, начиная с Нового времени, осуществлены в западной и российской культуре. Достигнутый в настоящее время этап международной социально-правовой интеграции проблемы прав человека в обществе вряд ли следует считать логическим завершением в решении данной проблемы.

Скорее всего, он служит «отправной точкой» для ее последующего решения согласно идеям ноосферной цивилизации.

Осуществленное автором исследование показало, что эволюция проблемы человека в праве и прав человека имеет свою закономерность, развивается поэтапно. Так, изначально в истории человечества вначале появляется протоправо, затем древнее право первых цивилизаций, где главной, безусловно, является социальная общность (род, племя, первые государства), а человек еще мыслится лишь как элемент-объект данной общности. Судьба человека напрямую зависит от целостности, сохранности, здоровья самого социума. На этом этапе даже в ранних цивилизациях-государствах, видимо, следует говорить лишь о правовом социоцентризме, об элементарно-объектном отношении к человеку в таком протоправе или в праве первичных социальных систем-государств. Складывается первый этап эволюции: право социума с человеком как объектом права. Лишь со временем, по мере развития субъектной сущности людей и все более глубокого осознания своего места и роли в обществе формируется человек, как относительно самостоятельный субъект определенных правовых отношений. С этого времени появляются теоретические и практические аспекты нового социально-правового мировоззрения. Это второй эволюционный этап – человек как субъект права. И лишь в процессе дальнейшего понимания личностью своего ключевого места и роли в общественной жизни и в связи с этим – своего особого правового положения, начинает не только теоретически, но и практически развиваться третий эволюционный этап: права человека в XX-XXI веках. Однако несомненные новаторские идеи, связанные с развитием данного этапа в понимании места и роли человека в обществе (например, освобождения личности от жесткой эксплуатации), не могут скрыть его ограниченности. Это одностороннее, эгоцентричное понимание прав и свобод человека, без учета адекватных обязанностей и ответственности личности (перед другими людьми и обществом), без должного понимания диалектики

взаимосогласованных отношений Человека и Общества, Человека и Природы. Поэтому, видимо, в грядущей духовно-экологической цивилизации уже в XXI веке будет формироваться следующий этап, характеризующий интеграцию позиций разных социальных культур, стран и народов в ноосферном сознании. Можно обозначить этот четвертый этап эволюции социально-правовой культуры как: права и право-обязанное, свободное ответственное поведение человека в обществе, гармоничное взаимодействие Человека, Общества и Природы в ноосферной цивилизации. На данном направлении еще предстоит значительная теоретическая и практическая работа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азаров, А. Ройтер, В., Хюфнер, К. Права человека. Международные и российские механизмы защиты. – М.: Моск. школа прав человека, 2003. – 560 с.
2. Алексеев, Н. Н. Русский народ и государство. – М.: Лань, 1999. – 640 с.
3. Антология античной философии / Сост. и автор предисл. С. В. Перевезенцев. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 415 с с.
4. Антология мировой философии. В 4-х т. / А. Августин, Ф. Бэкон [и др.]. – М.: Мысль, 1969 – 1972. Т. 1–4.
5. Антология мировой философии. Древний Восток. – Минск: Астрель, 2004. – 368 с.
6. Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта. В 3-х томах. – М.: ФО РАН, 1991. – Т. 1–3.
7. Багдасаров, В. Ю. Русская правовая мысль и теория правотворчества: прошлое и современность. – Ставрополь: ТЭСЭРА, 2014. – 127 с.
8. Берман, Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. – М.: Наука, 1994. – 590 с.
9. Боги, брахманы, люди. Четыре тысячи лет индуизма. Под. ред. Д. Збавител, пер. с чешск.. – М.: Наука, 1969. – 416 с.
10. Букатая, М. В. Аксиологические основания взаимодействия традиций и новаций в культуре Китая. Дис. на соиск. ... канд. филос. наук. – Кемерово: КемГАКИ, 2010. – 184 с.
11. Васильев, Л. С. История религий Востока. В 2-х томах. – М.: КДУ, 2016. Т. 1–2.
12. Васильев, Л. С. Проблемы генезиса китайского государства. – М.: Наука, 1983. – 327 с.
13. Величко, А. М. Философия русской государственности. – СПб.: Изд-во Юрид. института, ИФ РАН. – 336 с.

14. Вернадский, В.И. Биосфера и ноосфера. – М.: Наука, 1989. – 258 с.
15. Всеобщая декларация прав человека (Принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) / Гарант.ру, информ.-правовой портал (Электронный ресурс). Режим доступа – <http://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/10135532/>
16. Гумилев, Л. Н. Этносфера. История людей и история природы. – М.: Экопрос, 1993. – 544 с.
17. Древнеиндийская философия. Подготовка текстов, статьи и комментарии В. В. Бродова. – М.: Мысль, 1972. – 271 с.
18. Древняя Индия – Веды (Священные индийские писания). – Новый Акрополь, философская школа, 2018. (Электронный ресурс). Режим доступа – <https://www.newacropol.ru/Alexandria/civilization/india/vedy/>
19. Евразийство: ключевые идеи, ценности, политические приоритеты / А. В. Иванов, Ю.В. Попков, Е. А. Тюгашев, М. Ю. Шишин. – Барнаул: Изд-во АГАУ, 2007. – 243 с.
20. Ерасов, Б. С. Цивилизации: Универсалии и самобытность. – М.: Наука, Институт МЭМО, 2002. – 523 с.
21. Завадская, Е. В. Культура Востока в современном мире. – М.: Наука, 1977. – 168 с.
22. Иванов А. В., Фотиева И. В., Шишин М. Ю. Духовно-экологическая цивилизация: Устой и перспективы. 2-е изд. – Барнаул: Изд-во АГАУ, 2010. – 133 с.
23. Имамов, Э. З. Китайское право: единство традиций и законодательной нормы // Проблемы Дальнего Востока. – 1989. – № 6. – С.76–87.
24. Индуизм. Джайнизм. Сикхизм. Словарь. / Под общ. ред. М. Ф. Альбедиль, А. М. Дубянского. – М.: Республика, 1996. – 576 с.
25. Искакова, Г. К. Социокультурный контекст прав человека: диалог культур «Восток-Запад» // Современные проблемы сервиса и туризма (РГУТС, Черкизово). – 2008. № 4. – С.36-41 (Электронный ресурс), Режим доступа <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnyy-kontekst-prav-cheloveka-dialog-kultur-vostok-zapad-1>.
26. История восточной философии / Ред. М. Т. Степанянц. – М.: ИФ РАН, 1998. – 121 с.
27. История политических и правовых учений / Под общ. ред. О. В. Марышина, 3-е изд.. – М.: ООО Проспект, 2016. – 800 с.
28. История политических и правовых учений. Хрестоматия / Составители и ред. Г. Г. Демиденко, Г. А. Борисов. – Белгород: библ. изд., 1999. – 1158 с.
29. Киреевский, И. В. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России / Разум на пути к истине. – М.: Правило веры, 2002. – С.151–213.
30. Китайская Народная Республика. Конституция и законодательные акты. – М.: Прогресс, 1989. – 445 с.

31. Крашенинникова, Н. А. Индусское право. История и современность. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 192 с.
32. Кузнецов, Э. В. Философия права в России. – М.: Юрид. литература, 1989. – 208 с.
33. Куманин, Е. В. Китайское право в условиях реформ // Советское государство и право. – 1988. – № 9. – С.91–99.
34. Куценков, А. А. Эволюция индийской касты. – М.: Наука, 1983. – 327 с.
35. Кычанов, Е. И. Основы средневекового китайского права. – М.: Наука, 1986. – 264 с.
36. Малявин, В. В. Китайская цивилизация. – М.: АСТ, 2001. – 632 с.
37. Марченко, М. Н., Мачин, И. Ф. История политических и правовых учений. Учеб. пособие. – М.: Проспект, 2009. – 240 с.
38. Международные Пакты о правах человека. Сборник документов / Составители В. А. Карташкин, Е. А. Лукашева, 2-е изд. – М.: НОРМА, 2002. – 911 с.
39. Мозолин, Б. П. Личность, право, экономика современной Индии. – М.: Наука, 1979. – 232 с.
40. Невирко, Д. Д. Права и свободы человека и гражданина: проблемы соотношения, взаимодействия и иерархии. Диссертация ... канд. юридических наук. – Екатеринбург, 2004. – 181 с.
41. Новгородцев, П. И. История философии права / П. И. Новгородцев. Сочинения / Пер с нем. А. К. Судакова, сост. М. А. Колерова. – М.: Раритет, 1995. – 448 с.
42. Общая теория прав человека / Сб. науч. статей / Отв. ред. Е. А. Лукашева. – М.: НОРМА, 1996. – 520 с.
43. Омельченко, О. Всеобщая история государства и права. В 2-х томах. 3-е изд. – М.: ТОН-Остожье, 2000. – Т. 1–2.
44. Осипчук, С. Ю. Проблемы прав и свобод в КНР: Историко-политологический анализ. Дис. на соиск. ... канд. полит. наук. – Владивосток, 2001. – 204 с.
45. Паршиков В. И., Табакаев Ю. В., Краснова Н. Н., Кузьменко К. А. Системно-диалектический анализ отношений человека и общества в условиях переходности с позиций образования, права и управления // Профессиональное образование в современном мире. – 2017. – Т.7. – № 4. – С. 1373-1379.
46. Пашенко, В. Я. Идеология евразийства. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 381 с.
47. Права человека в истории человечества и в современном мире / Ред. Е. В. Аграновская, О. А. Липинь, Е. А. Лукашева. – М.: ИГП АН СССР, 1989. – 294 с.
48. Права человека. Энциклопедический словарь / Отв. ред. С. С. Алексеев. – М.: Инфра-М, Норма, 2009. – 656 с.

49. Реале, Дж, Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней / Пер. с итал. С. Мальцевой, науч. ред. Э. Соколов. – СПб.: Петрополис, 1994. – 336 с.

50. Русская философия права. Философия веры и нравственности. Антология / Сост. А. П. Альбов, Д. В. Масленников, А. И. Числов и др. – СПб.: Алетейя, 1997. – 398 с.

51. Русская философия. Словарь. Под редакцией М. А. Маслина. – М.: Республика, 1995. – 655 с.

52. Саидов, А. Х. Сравнительное правоведение и юридическая география мира. – М.: Изд-во ИГиП РАН, 1993. – 148 с.

53. Суббето А. И. Ноосферизм / Сочинения. В 13 т. – Т. 5, Ч. 3 / Под ред. Л. И. Зеленова. – Кострома, 2007. – С. 99–268.

54. Супатаев, М. А. К проблематике цивилизационного подхода к праву (очерки общей теории и практики). – М.: Юрлитинформ, 2012. – 144 с.

55. Ульянищев, П. В. Правозащитная деятельность в республике Индия // Правозащитник – 2014. – № 1 (Электронный ресурс). Режим доступа – <http://pravozashitnik.net/ru/2014/1/1>.

56. Armstrong D., Farrell T., Lambert H. International law and international relations. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – 308 p.

57. Freedom in the World 2004. The Annual Survey of Political Rights and Civil Liberties / Ed. by A. Piano, A. Puddington. – New York: Freedom House; Lanham. Rowman & Littlefield, 2004. – 736 p.

58. Greer, S. The European Convention on Human Rights, achievements, problems and prospects. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 365 p. (Cambridge studies in European law and policy).

59. Ovey, C., White, R. Jacobs and White, The European Convention on Human Rights. 4th ed. – Oxford: Oxford University Press, 2006. – 591 p.

N. N. Krasnova

*Gorno-Altai State University,
Gorno-Altai, Russia*

NOOSPHERIC SOCIOCULTURAL APPROACH TO THE CONCEPT OF HUMAN RIGHTS

In the concept of the noosphere, the organizing idea is the strategy of forming common humanistic foundations for the existence of mankind based on the development of the planetary mind. According to the ideas of Russian philosophy, in such a planetary community should be fully represented all the main cultures of humanity in their coherence, reflected in the main areas of society's existence - sociocultural, legal, political, informational, etc. This article deals with the formation of social and legal spheres on the most important issue - human rights in noosphere being.

It is well known that from the middle of the twentieth century human rights were enshrined in international law. It was an important step at the level of international cooperation in the field of protection of the rights of man and citizen in any country of the world. However, the actualization of the problem of human rights is currently associated with the exacerbation of a number of issues on a socio-cultural basis. Therefore, one should refer to the sociocultural

causes of the problem. Tasks are set: to investigate the general evolution of a problem of human rights in a society; to reveal its specificity in the West, in the East (in India and China), in Russia; identify ways of integrating different legal cultures in the noosphere strategy.

The dialectic methodology is applied; socio-cultural and systemic approaches; comparative legal, sociocultural, integrative methods. The author of the article investigated the general evolution of human rights, in which three main stages were singled out. 1) the right of the state, where people appear as objects of law; 2) a person in law, where, in the prevailing state law, people begin to realize their rights, become subjects of law; 3) human rights, where a special area of human rights is formed in private law.

But in different cultures, this general evolution of social and legal relations and human rights went differently. In the West, in the context of complex class struggle relations, two main directions were formed: the struggle of the oppressed strata for their life rights; the struggle of the emerging ruling classes for the right to receive preferential freedoms in the social administration of a new liberal social type. In the East (in India and China), until the twentieth century, traditional paternalistic-type social relations existed, where the head of state was a ruler who took care of society as a large family. The population, like children, had to obey and obey. In Russia in the tsarist empire also paternalism formed the basis of government. The people were ruled by the king-father, the people trusted him, they obeyed him.

Thus, by the twentieth century, only in the West all three stages of the evolution of human rights had been carried out. In the East and in Russia passed the first two stages. Therefore, by the middle of the twentieth century, at the international level, the problem of human rights was developed on the basis of the Western socio-cultural tradition. However, in the 21st century, not only West-centrism should be applied in addressing this problem, but also integrating the achievements of other legal cultures, for example, Russian and Eastern concepts (which are discussed in this article), to remove contradictions in the human rights problem. Apparently, in the near future, the next stage of sociocultural and socio-legal human evolution in a noospheric civilization should be formed. This 4) stage - the rights and the right-labile, free-responsible behavior of a person in society, the harmonious interaction of Man, Society and Nature.

Key words: noospheric civilization, human rights, sociocultural evolution of man in law, specificity of legal cultures of the West, East, Russia; noospheric socio-cultural integration of human rights.

Поступила в редакцию 10 января 2019

УДК 001:378

В.И. Шостка

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Республика Крым, Симферополь, Россия*

В.И. ВЕРНАДСКИЙ О ПРОБЛЕМАХ НАУКИ И ФУНДАМЕНТАЛЬНОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассмотрены проблемы развития современной фундаментальной и прикладной науки и фундаментальности образования в свете взглядов В.И. Вернадского. Современная наука во всем ее разнообразии эксплицирует фундаментальные особенности познавательных отношений, формирующих не только самого человека как геологическое явление, но и его внутренний мир. При этом важно учитывать феномен междисциплинарности при решении вопросов, связанных с координацией фундаментального и прикладного знания, интеграцией знаний различных дисциплин, с проблемами их практического применения, когда границы между дисциплинами размываются и становятся неявными. Основная задача образования при этом заключается в формировании личности будущего специалиста, обладающего, не только профессиональными компетенциями, но и способного не только в стандартных, но и в нестандартных ситуациях эффективно применять свои знания, умения и навыки. В связи с научно-образовательной парадигмой В.И. Вернадского человек будущего – это гармоничная личность, основу которой составляет высокоразвитый интеллект, духовное богатство и физическое совершенство.

Ключевые слова: дисциплинарность, фундаментальные и прикладные знания, междисциплинарный подход, образование, научно – образовательная парадигма В.И. Вернадского.

С именем В.И. Вернадского - выдающегося мыслителя, ученого, естествоиспытателя, общественного деятеля, ректора Таврического университета (1920-1921), связана целая эпоха в развитии естествознания, в становлении и развитии современной науки. Его наследие постоянно напоминает нам о величии гениального мыслителя и его вкладе в науку. Он стоял у истоков таких научных направлений, как кристаллография, минералогия, геохимия, биогеохимия, генетическая биогеохимия, радиология, радиогеология, космохимия, учение о природных водах. Ему принадлежат идеи о роли живого вещества и эволюции Земли, о роли Разума как космического фактора, о Человеке как геологической силе, преобразующей планету. Он основоположник современного учения о биосфере и ноосфере. Академик В.И. Вернадский пророчески оценил

значение ядерной энергии и ее практическое применение. Он внес весомый вклад в развитие образования и целого ряда других областей знания [1].

В.И. Вернадский стоял у истоков не только глобального мировоззрения и мышления, но и был основоположником глобальных исследований. Можно говорить о предвидении им принципиально новых тенденций развития науки в целом, века глобализации эволюции человечества. Он предугадал новый этап учения о сфере Разума, отражающий рост значения процессов экологизации, футуризации, информатизации и их дальнейшее развертывание через глобальный процесс устойчивого развития.

В естественных и других науках В.И. Вернадский значительное внимание уделял междисциплинарным исследованиям, что дает нам возможность оценки его идей и концепций, выходящих за пределы дисциплинарного видения науки. Он полагал, что «проблемы, вышедшие за пределы одной науки, неизбежно создают новые области знания, новые науки, все увеличивающиеся в числе и в быстроте своего появления, характеризующие научную мысль XX столетия» [2,3].

Реализация комплексного подхода и системная его работа по изучению естественных производительных сил сыграли выдающуюся роль в исследовании природных, стратегических ресурсов страны, в целом, а Крыма в частности, в развитии науки и экономики, и фактически по сей день являются фундаментом современной научно-технической мощи нашего государства. В.И. Вернадский полагал, что наука и научно-технический прогресс не могут развиваться, не используя интуицию, которая приходит к нам через «эфир Всемирного разума» и развитие ноосферного мировоззрения, что помогает возникнуть многим новым идеям.

Известно, что В.И. Вернадский в течение всей своей жизни уделял большое внимание развитию отечественной науки и образования. В «Записке о необходимости сохранения Таврического университета» он рассуждает о взаимосвязи фундаментальной (чистой) и прикладной наук. Приведем

некоторые выдержки из нее: «Исходя из интересов минуты, нередко остаются в стороне как не отвечающие моменту общие задачи чистого знания, а желают поддержать и развивать только прикладную науку. Но кто возьмет на себя смелость определить – что такое прикладное знание и что такое чистая наука? Грань между прикладной и чистой наукой в XX веке исчезла, и с каждым годом техника все глубже охватывается чистым знанием, а теория все сильнее облекает задачи практической жизни... Мы не должны забывать, что то, что сегодня не имеет значения в приложении к жизни, завтра может явиться самой насущной ее потребностью... Настоящая сила будущего есть наука в ее полном объеме, а не прикладная ее часть, неизбежно уменьшенная в своем полезном действии... Поспевать за ходом науки можно, лишь охватывая ее всю» [4]. Гениальные слова.

Так что же такое наука? Так уж сложилось, что на этот, казалось бы, простой вопрос разные люди дают разные ответы. Попробуем вернуться к изначальному смыслу этого понятия. Наука («science») – это процесс познания устройства окружающего нас мира, т.е. Вселенной, в которой, как и на Земле, наблюдаются одинаковые физические, химические и биологические, естественно – научные закономерности. Это и есть наука, как суть познания окружающего мира [3,5].

Но на Земле существует человеческое общество, социум, который живет и развивается по другим канонам. Возник целый ряд специфических исследований, связанных с поведением и мотивацией к определенному виду деятельности как отдельных сообществ, общественных групп, так и индивидуальных межличностных отношений. Появился целый ряд общественных, социальных, наук, необходимость существования которых для высокоразвитого человеческого общества очевидна и не вызывает сомнения. Но и здесь возникает вопрос, как правильно оценить баланс между общественными и естественно – научными исследованиями, какой процент бюджета государство должно тратить на те или иные науки. Чем богаче государство, тем больше оно выделяет средств из бюджета на исследования в

области гуманитарных и общественных наук. Однако, если обратиться к истории, то можно заметить, что в трудные годы, например, в условиях кризиса, во время конфликтов, войн или военных действий, финансирование естественно – научных исследований резко возрастает.

Естественно – научные исследования делятся на фундаментальные (физика, химия, математика, биология, астрономия и т. п.) и прикладные. И вот здесь, как правильно заметил почти сто лет назад В.И. Вернадский, фундаментальная и прикладная науки тесно взаимосвязаны между собой и подчас очень трудно провести грань между ними. Где заканчивается, например, поле деятельности фундаментальной физики или химии, радиофизики и радиотехники, биологии и медицины, нанобиологии и начинаются исследования прикладных наук этих областей знания. Тем не менее, такое разделение есть, и оно вполне оправдано. Если, образно говоря, представить науку как поезд, который везет человечество по пути научно – технического прогресса, то фундаментальная наука – это локомотив, а прикладная наука и опытно – конструкторские разработки – это вагоны, которые без локомотива некоторое время могут совершать перемещение по инерции, но потом неизбежно остановятся. При этом еще необходимо определить оптимальное соотношение между локомотивом и вагонами, иначе поезд не поедет. Другими словами, нужно установить размер финансирования фундаментальной и прикладной науки. Например, в США средства, выделяемые на науку в целом, распределяются следующим образом: 12,5% - на фундаментальные исследования, 21,5% - на прикладные и 66% - на опытно – конструкторские разработки. Причем фундаментальная наука в США сосредоточена в основном в университетах. Поэтому все 12,5% идут на генерирование новых научных идей и бесперебойную подготовку квалифицированных специалистов. У нас в стране, в силу обстоятельств, на протяжении длительного периода существовала несколько иная система подготовки специалистов для народного хозяйства [5,6].

В конце 20 – х – начале 30 –х годов XX века формирование в нашей стране агропромышленного производства ускоренными темпами потребовало от высшей школы подготовки узкоспециализированных специалистов, что привело к практически полному переходу к высшему профессиональному образованию. Наряду с циклами общеобразовательных и фундаментальных дисциплин, стали преподаваться дисциплины специализации даже в классических университетах. Был создан целый ряд отраслевых высших и средних специальных учебных заведений, существовала цепочка: академический институт – отраслевой институт – конструкторское бюро – предприятие. Эта система была эффективной в условиях жесткого централизованного планирования. В сочетании с различного рода практиками (педагогическими, производственными, научно – исследовательскими), которые были неотъемлемой частью образовательных программ она максимально приближала получаемое будущими специалистами образование к их будущей профессиональной деятельности. Но был и существенный недостаток этой системы подготовки кадров. Министерство просвещения, а позднее и Министерство высшего и среднего специального образования не были напрямую связаны ни с институтами Академии наук, ни с предприятиями. Этот недостаток отчасти компенсировался хоздоговорными работами, проводимыми вузами по заказу академических и отраслевых институтов, а также предприятий и опытно – конструкторских учреждений и научно – производственных объединений. Элитные вузы страны, такие как МФТИ, МИФИ, МГУ, МФТУ им. Баумана, ЛЭТИ и другие, имели филиалы кафедр в институтах Академии наук. Именно эти вузы и готовили основные кадры для передовых отраслей промышленности: оборонной, ракетной, космической, атомной и т.п., где наша страна добилась наибольших успехов [7,8].

С расколом СССР проблемы, связанные с наукой и образованием, только усугубились. Максимальный удар был нанесен именно науке, как фундаментальной, так и прикладной. Начался массовый и невозобновляемый

отток научный кадров за рубеж. В образовании как грибы стали возникать коммерческие институты, которые готовят экономистов, юристов, психологов и т.п. И наоборот, подготовка специалистов в области естественных наук, особенно фундаментальных, сокращается из года в год. Объясняется это не только отсутствием финансирования, а, прежде всего, невостребованностью и отсутствием рабочих мест.

Новые требования стали возникать и к структуре образовательных программ, прежде всего, из-за значительных изменений в реальном секторе экономики, быстрого старения знаний. Поэтому основная задача при подготовке специалиста с высшим образованием в нашей стране заключается в том, чтобы не только вооружить его набором фундаментальных знаний, но и научить его постоянно работать над повышением своего образовательного и профессионального уровня, владеть разнообразными источниками информации и уметь добывать новую информацию. Новые условия потребовали отказа от предметной, дисциплинарной структуры образовательных программ и поставили задачу формирования личности будущего специалиста, обладающего, не только профессиональными компетенциями, но и способного не только в стандартных, но и в нестандартных ситуациях эффективно применять свои знания, умения и навыки.

Здесь, мы предлагаем опять вернуться к наследию В.И. Вернадского. Вот как он сформулировал основные принципы организации и функционирования высшей школы, которые не потеряли своей актуальности и в наши дни, спустя сто лет:

- ✓ Приоритетность и общедоступность образования;
- ✓ непрерывность и фундаментализация обучения;
- ✓ интернационализация и опережающий характер обучения;
- ✓ неотделимость образования от науки;
- ✓ академические свободы и автономия высших учебных заведений;

✓ децентрализация и демократизация образовательных учреждений на основе гуманистических идеалов;

✓ государственная поддержка высшей школы и сохранение свободы научного творчества и преподавания [9 -11].

Великий ученый верил в лучшее будущее, ввиду того что национальное общекультурное дело образования осуществляют не чиновники, а его действительные подвижники, ученые и педагоги, которые реализуют принципы национального образования и воспитания несмотря на отсутствие соответствующих условий. В связи с научно- образовательной парадигмой В.И. Вернадского человек будущего – это гармоничная личность, основу которой составляет высокоразвитый интеллект, духовное богатство и физическое совершенство [12-15]. Эта гармония должна быть направлена на качественное взаимодействие с предстоящим информационным пространством и на полноценную реализацию внутренних творческих потенциалов и побуждений личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. В.И. Вернадский и Крым: люди, места, события.../Н.В. Багров, В.Г. Ена, В.В. Лавров и др. – 2-е изд., перераб. – К.: Лыбидь, 2012. -248с., илл. – с.195 – 201.

2. Шостка В.И. Методология современной науки: проблема междисциплинарного подхода /В.И. Шостка //Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2014. - №274. – с.97-100.

3. Шостка В.И. Тенденции развития современной науки. История и методология / Шостка В.И., Буряк В.В., Шостка Н.В. – Симферополь - 2016. – 308с.

4. Из записок о необходимости сохранения Таврического университета //Вернадский В.И. Начало и вечность жизни. – М., 1989. – с.564 – 570.

5. Шостка В.И. Проблемы науки и высшей школы в странах с переходной экономикой или нужна ли наука Украине? / В.И. Шостка // «Таврический университет». - 2007. - №6-7 (954) . - С.2-3.

6. Дубинянский Ю.М. Современные проблемы образования или готова ли Украина инвестировать свое будущее? (Сучасні проблеми освіти та чи готова Україна інвестувати своє майбутнє?) / Ю.М. Дубинянский, В.И. Шостка // Вища освіта України, Додаток 4, т.1 (13), 2009, Сб. Вища освіта України у контексті інтеграції до Європейського освітнього простору. Секція

1 «Болонський процес і перспективи розвитку вищої освіти в Україні, Європі та світі». – 2009. - С.175-184.

7. Шостка В.И. Без серьезной науки нет и серьезного образования / Ю.М. Дубинянский, В.И. Шостка // Мат.10-й между. междисципли. научно-практич. школы-конф. «Сучасні проблеми науки та освіти». - Севастополь, 2010 - С.244 – 245.

8. Дубинянский Ю. М. Фундаментализация образования: проблемы и перспективы / Ю.М. Дубинянский, В.И. Шостка // Сб. «Сучасні проблеми науки та освіти». – Харків, 2011. – С. 212-214.

9. Образование как важнейший фактор развития и усиления интеллектуального потенциала нации. Переяславская рада: ее историческое значение и перспективы развития восточнославянской цивилизации: Сб. научн. трудов: по матер. IV Междунар. научн.-практ. конф. / под ред. А.Г. Романовского, Ю.Н. Панфилова. – Харьков: НТУ «ХПИ». – 2012. – 632 с. / В.И. Шостка, Ю.М. Дубинянский. – с. 286 – 291.

10. Шостка В.И. Проблемы формирования высококвалифицированных специалистов в соответствии с принципиально новыми вызовами современности. /Шостка В.И., Буряк В. В., Смирнов В. О., Дубинянский Ю. М. //Крымский научный вестник. – 2015. - -№4 - т. 2. Серия «Педагогические науки» - с.50-62.

11. Вернадский В.И. Размышления натуралиста. В 2-х кн., кн. 2 / В.И. Вернадский. Научная мысль как планетарное явление. – М.: Наука, 1977. – 191с.

12. Буряк В.В. Современные проблемы изучения комплексных объектов и базисные стратегии методологии научного исследования. //В.В. Буряк, С.А. Махин, В.И. Шостка. - Культура народов Причерноморья. – Симферополь. – 2014. - № 278. т.2. – с.190 – 193.

13. Башта А.И. Проблемы современного образования в контексте ноосферно-научной образовательной парадигмы В.И. Вернадского / Башта А.И., Дубинянский Ю.М., Шостка В.И., Шостка Н.В., Смирнов В.О. // В сборнике: В.И. Вернадский: устойчивое развитие регионов. Материалы Международной научно-практической конференции. 2016. С. 74-81.

14. Башта А.И. Комплексный междисциплинарный подход к пониманию актуальных проблем формирования современного высшего образования в контексте учения В.И. Вернадского / Башта А.И., Буряк В.В., Смирнов В.О., Шостка В.И., Шостка Н.В. // Международный журнал. Устойчивое развитие: наука и практика. - 2016.- № 2 (17).- с. 117-124.

15. Шостка В.И. Основы ноосферологии и устойчивого ноосферного развития /В.И. Шостка, А.И. Башта, В.В. Буряк, В.О. Смирнов; под ред. Шостки В.И. – Симферополь, 2018. – 312с.

V.I. Shostka

Crimean Federal V.I. Vernadsky University
Republic of Crimea, Simferopol, Russia

V.I. VERNADSKY ABOUT THE PROBLEMS OF SCIENCE AND FUNDAMENTALITY OF EDUCATION

The article considers problems of development of modern fundamental and applied science and the fundamental nature of education in the light of scientific and educational paradigm of V. I. Vernadsky. Modern science in all its diversity explicit fundamental features of the cognitive relations that shape the person as a geological phenomenon and his world. It is important to take into account the phenomenon of interdisciplinarity in addressing issues related to the coordination of fundamental and applied knowledge, integrating knowledge of various disciplines, with problems of their practical application, when the boundaries between disciplines are blurred and become vague. The main task of education is the formation of personality of future specialist, having not only professional competences, but not in the standard, but in unusual situations, effectively apply their knowledge and skills. In connection with scientific and educational paradigm of V. I. Vernadsky, the man of the future is a harmonious personality, which is based on highly developed intelligence, spiritual wealth and physical perfection.

Key words: disciplinary, fundamental and applied knowledge, interdisciplinary approach, education, scientific and educational paradigm of V. I. Vernadsky.

Поступила в редакцию 19 января 2019

ПАЛЕОПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОИСТОРИЯ

УДК 94

А.В. Винобер

*Фонд поддержки развития биосферного хозяйства и аграрного сектора
«Сибирский земельный конгресс», Иркутск, Россия*

ПСИХОИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ (1917-1922 ГГ.). ОЧЕРК ТРЕТИЙ: «КРАСНЫЙ» И «БЕЛЫЙ» ТЕРРОР

В третьем очерке автор затрагивает и пытается осмыслить в самом первом приближении феномен «красного» и «белого» террора, проявившийся особо жестоко в годы Гражданской войны, сыгравший решающую роль в победе «красных» и определивший жизнь страны на несколько последующих десятилетий.

Ключевые слова: Гражданская война в России, «красный» террор, «белый» террор, революция, психоистория.

Продолжая тему психоисторического осмысления, реконструкции и ретроспективного анализа событий Гражданской войны в России в 1917-1922 гг. (Начало см. [3, 4]), в третьем очерке мы затронем и попытаемся осмыслить в самом первом приближении феномен «красного» и «белого» террора, проявившийся особо жестоко в годы Гражданской войны, сыгравший решающую роль в победе «красных» и определивший жизнь страны на несколько последующих десятилетий.

Феномен террора, как психоисторическое явление, имеет свои древние корни и почти всегда сопровождает войну, особенно если это война гражданская. Как писал выдающийся психоаналитик и философ Э.Фромм в своей работе «Анатомия человеческой деструктивности»: «Ни одна война не вызывает больше ненависти и жестокости, чем гражданская, в которой стороны особенно хорошо знают друг друга». [19]

Четыре года Первой мировой войны произвели в России серьезную переоценку всех ценностей, а в значительных слоях населения привели к серьезному изменению сознания и ужесточению нравов. В руки этих агрессивных слоев населения попало большое число оружия. Революции февраля и октября 1917 года «разорвали» гражданское общество в России на много неравных частей. Резко возросла криминогенность на всей территории

бывшей Российской империи, в обилии плодились вооруженные отряды и банды – генезис этого явления – революционной криминализации общества и её дальнейшей эволюции в течение пяти последующих лет Гражданской войны (в отдельных случаях и гораздо дольше: например, банда подпоручика Г. Кочкина в Иркутской губернии прекратила свое существование только в июле 1929) – явно недостаточно осмыслен в отечественной историографии. Хотя имеется немало довольно интересных опытов осмысления. В качестве примера, приведем две разномасштабные (по глубине и охвату исторических событий) работы. Хипхенов Г.И. в работе «Правда и «кривда» о красных отрядах...» [20] задался целью произвести оценку места и роли в установлении Советской власти деструктивных групп: анархистов, уголовных и военнопленных – надо сказать, это пока мало кому удалось в серьезной степени. Второй пример: монография Новикова П.А. «Гражданская война в Восточной Сибири» [13] (которую мы уже упоминали во втором очерке) – привлекает разнообразием источников и обилием действующих лиц, попыткой реконструкции логики развития событий и прослеживанием мотивов отдельных исторических лиц и отдельных групп населения, задает определенные векторы последующих аналитических и реконструктивных исследований. Хотя, как мы говорили ранее, не лишена своеобразных предпочтений в изображении отдельных исторических персон.

Мысль о том, что и у «красных» и у «белых» были свои герои и свои негодяи – она совсем не потеряла актуальности в историческом исследовании. А для понимания психоисторических движущих сил истории – она является во многом определяющей. [11, 12, 14]

Террор, проявившийся в ходе гражданской войны 1917-1922 гг. – был жесток и многолик. И, естественно, появился не на «пустом месте». Помимо более ранних исторических корней, которые требуют особых «археологических изысканий» - на поверхности эволюции террора в России во второй половине XIX в. и особенно в начале XX в., революционный террор «культивировался» и возрастал несколько десятилетий. За ним

взрастал, как ответный, террор государственный, наиболее масштабно проявившийся в годы революционных событий 1905-1907 гг. Один из примеров – Карательные экспедиции в Сибири в 1905-1906 гг. [9]

Истоки и эволюция террора в России – это тема для серьезных многолетних системных исследований: нет еще однозначных ответов на вопросы – кто его привнес в российскую реальность XIX века, кто способствовал дальнейшему развитию, кто обеспечивал финансовую «подпитку» террористических организаций и лиц [10].

«Красному» и «белому» террору посвящено значительное число работ отечественных и зарубежных историков. Много фактического материала, много статистики и предостаточно разнообразных субъективных рассуждений [13, 16, 18 и др.].

Мы согласимся с одной из распространенных (после 1991 г.) точек зрения, что «красный террор носил идейно целенаправленный, «нерассуждающий» характер, тогда как в «белом» терроре было слишком много элементов интеллигентской рефлексии и бессильной истероидности» [2].

По нашему субъективному мнению, революционный террор – это разновидность террора религиозного. Собственно, революция всегда несет в себе «кардинальную ересь» по отношению к устоявшемуся государственному строю и к устоявшейся или господствующей религии. Фанатизм религиозный и фанатизм революционный, как говорил поэт в начале XX века, «братья-близнецы». Поэтому в терроре времен Гражданской войны в немалой степени господствовали два мотива: идеологический и этнический, не считая многообразного психологического мотива, проявлявшегося часто спонтанно, в результате сложившихся обстоятельств и условий, как например, беззащитность населения, возрастание злобы из-за колоссальных потерь и мн. др.

Есть мнение, что в годы Гражданской войны на территории Украины доминировал этнический террор, и погромы еврейского населения

осуществляли «белые», «красные», «зеленые» и просто местные крестьяне. Причем, по мнению отдельных авторов [17] 50% погромов приписывают Белой Добровольческой армии, говоря о том, что у «красных» была лучшая дисциплина. О том, какая дисциплина была у «красных» на Украине хорошо описано в романе И. Бабеля «Конармия», за что впоследствии писателя подвергли жестокой критике «красные» командиры. Есть и другое мнение: «на деле «вымысел» Бабеля был лишь бледной тенью погромов и преступлений, сопровождавших путь Конармии в 1920 году» [1].

П. Гришанин в работе «Проблемы понимания феномена Гражданской войны в России» [5] выражает близкую нам мысль: «Познание прошлого – это ни что иное, как процедура его реконструкции, воссоздания». Объясняя причины Гражданской войны именно как национальной катастрофы русского народа, П. Гришанин считает, что «литературные произведения (романы, повести, рассказы) современников и участников политического противостояния более ярко отражают атмосферу социокультурного кризиса, состояние психологического надлома, переживаемого человеком в условиях политического и социально-экономического надлома России 1917-1920 гг.».

К этому хотелось бы добавить, что первый советский роман о гражданской войне Зазубрина В.Я. «Два мира» [7], написанный и изданный в 1921 году – в максимальной степени соответствует вышеописанной характеристике. Написанная позднее повесть «Щепка» [6] Зазубрина, где один из главных героев - председатель ГубЧК Срубов – вообще поражает провидческим писательским талантом. Достаточно сравнить две исторические работы, вышедшие в разное время на тему деятельности ВЧК и осуществления ленинско-сталинской политики «красного» террора: 1. «Из истории ВЧК 1917-1921 гг. (сборник документов) (1958) [8] и 2. «Обыкновенный террор: политика сталинизма в Сибири» [15] (2012) – мы просто поразимся провидческому дару Зазубрина, на два десятилетия вперед предсказавшего судьбу собственную и судьбу многих других участников Гражданской войны.

Вполне научно и целесообразно считать «красный» и «белый» террор 20-30-х годов продолжением Гражданской войны. Есть такая мысль, что Гражданскую войну необходимо считать завершившейся только 22 июня 1941 года. Вполне логичная версия, требующая самого серьезного исследования. По нашему субъективному мнению, с точки зрения психоистории, Гражданская война 1917-1922 гг. и по сей день продолжается в умах, поведении, психологических привычках и психотипических реакциях населения современной России. Но это уже тема для другого исследования, основанного на парадигме глубинного социального психоанализа.

Наследие революционного, государственного, этнического и религиозного террора XIX века и первой половины XX века исследовано и осмысленно совершенно недостаточно. Более того, оно вовсе не изжито, а вполне себе уютно дремлет (не исключено, что и осознанно культивируется) в отдельных нишах нашего государства и общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабель И.Э. Конармия. – Киев: Днипро, 1989. – 349 с.
2. Булдаков В.П. Гражданская война и проза 1920-х годов // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. №5 (25). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskaya-voyna-i-proza-1920-h-godov> (дата обращения: 15.01.2019).
3. Винобер А.В. Психоистория Гражданской войны в России (1917-1922 гг.). Очерк первый / А.В. Винобер // Вестник Института развития ноосферы. 2018. - 1. - С. 37-44
4. Винобер А.В. Психоистория Гражданской войны в России (1917-1922 гг.). Очерк второй / А.В. Винобер // Вестник Института развития ноосферы. 2018. - 2. - С. 20-26
5. Гришанин П.И. Проблемы понимания феномена Гражданской войны в России в оценочных характеристиках современников // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2007. №47. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemu-ponimaniya-fenomena-grazhdanskoj-voyny-v-rossii-v-otsenochnyh-harakteristikah-sovremennikov> (дата обращения: 15.01.2019).
6. Зазубрин В.Я. Щепка: повесть / Проза 1920-1940-х годов. – М.: Слово/Slovo, 2001. – С. 359-412
7. Зазубрин, В. Я.. Два мира : роман. - Красноярск : Книжное изд-во, 1983. - 304 с.
8. Из истории ВЧК 1917-1921 гг.: сборник документов. 1958. – 511 с.

9. Максаков В. Карательные экспедиции в Сибири в 1905-1906 гг. Документы и материалы / Подготовил к печати В. Максаков. – М.-Л.: Соцэкгиз, 1932. – 463 с.

10. Маньков А.В. К вопросу об истории терроризма: истоки, становление и эволюция в России // Вестник ЧГУ. 2017. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-istorii-terrorizma-istoki-stanovlenie-i-evolyutsiya-v-rossii> (дата обращения: 15.01.2019).

11. Михайлов И.В. Начало и причины эскалации Гражданской войны в современной российской историографии // Вестник МГИМО. 2012. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nachalo-i-prichiny-eskalatsii-grazhdanskoj-voyny-v-sovremennoj-rossijskoj-istoriografii> (дата обращения: 15.01.2019).

12. Михайлов И.В. От революции к гражданской войне: парадоксы прошлого и современного восприятия // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2007. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-revoljutsii-k-grazhdanskoj-vojne-paradoksy-proshlogo-i-sovremenno-go-vo-spriyatija> (дата обращения: 15.01.2019).

13. Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. – 415 с.

14. Новиков П.А. Изменчивые мотивы людей: Восточная Сибирь в Гражданской войне // Вестник Евразии. 2002. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izmenchivye-motivy-lyudej-vostochnaya-sibir-v-grazhdanskoj-vojne> (дата обращения: 15.01.2019).

15. Папков С.А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 440 с.

16. Плюйко Д.В. «Белый» террор как основная форма социального противостояния на территории Сибири в трудах первых советских историков гражданской войны // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2012. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/belyy-terror-kak-osnovnaya-forma-sotsialnogo-protivostoyaniya-na-territorii-sibiri-v-trudah-pervyh-sovetskih-istorikov-grazhdanskoj-voyny> (дата обращения: 15.01.2019).

17. Погромы в российской истории Нового времени (1881-1921) / Пер. с англ. – М.: Книжники, 2016. – 400 с. (История евреев).

18. Санин А.В. О предпосылках и особенностях красного террора на Урале в годы Гражданской войны: некоторые размышления // Известия АлтГУ. 2009. №4-4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-predposylkah-i-osobennostyah-krasnogo-terrora-na-urale-v-gody-grazhdanskoj-voyny-nekotorye-razmyshleniya> (дата обращения: 15.01.2019).

19. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. Пер. с нем. – М.: Аст, 2007. – 621 с.

20. Хипхенов Г.И. Правда и «Кривда» о красных отрядах. Из военно-политической истории периода «Первой советской власти» в Восточной Сибири (1917-1918 гг.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. №4 (25). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravda-i-krivda-o-krasnyh-otryadakh>

otryadah-iz-voenno-politicheskoy-istorii-perioda-pervoy-sovetskoj-vlasti-v-vostochnoy-sibiri-1917-1918-gg (дата обращения: 15.01.2019).

A.V. Vinober

«Siberia Land Congress» Biosphere and Agriculture Economies Support and Development Fund, Irkutsk, Russia

**PSYCHOHISTORY CIVIL WAR IN RUSSIA (1917-1922 YY.). THE THIRD
ESSAY: «RED» AND «WHITE» TERROR**

In the third essay, the author touches upon and tries to comprehend, in the very first approximation, the phenomenon of «red» and «white» terror, which appeared especially cruel during the Civil War, played a decisive role in the victory of the «red» and determined the life of the country for several subsequent decades.

Keywords: civil war in Russia, «red» terror, «white» terror, revolution, psychohistory.

Поступила в редакцию 19 января 2019

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 801.73: 165.19

А.В. Винобер

*Фонд поддержки развития биосферного хозяйства и аграрного сектора
«Сибирский земельный конгресс», Иркутск, Россия*

**МИФОЛОГИЯ ТЕКСТА. РЕФЛЕКСИВНАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА
ОСОЗНАНИЯ (ЭТЮД №3: НЕОБЫЧАЙНО КОРОТКИЙ И
НЕСКОЛЬКО НЕОЖИДАННЫЙ)**

Очерк представляет собой третий [2, 3] коллаж из случайных фрагментов, двух таких разных по мироощущению и темпераменту философов, живших в XX веке, и оставивших такой заметный след в европейской философской культуре (М. Хайдеггер и Н. Бердяев), сопровождаемый ассоциациями и размышлениями автора, задавшего целью: обнаружить присутствие общих архетипических оснований, незримо творящих мифологию текста.

Ключевые слова: герменевтика, интерпретация, понимание.

Сочетание случайных фрагментов двух таких разных по мироощущению и темпераменту философов, живших в XX веке, и оставивших такой заметный след в европейской философской культуре. О вкусах можно спорить бесконечно. И можно найти в творчестве двух грандов немало сходного, но еще более – различного. Первое сходство, бросающееся в глаза – это их неповторимая философская поэтичность, тяготение к мистике, полету слов и образов, схоластичность бесчисленных философских конструкций... О различиях – пусть говорят многочисленные исследователи, коих хватает и в России, и в Германии, и во Франции, и в иных философствующих странах. Рискну предположить, что у Хайдеггера больше почитателей и толкователей, чем у Бердяева – но это лишь дань укоренившейся культурно-исторической традиции. Богатство философских импровизаций Бердяева во многом еще не понято, не осознано и просто не прочитано. Мы не претендуем на какое-то особое откровение. Просто случайно наткнулись на случайные фрагменты и зафиксировали их в поле своего любопытствующего зрения.

«Ничто ведь — ничто, и между воображаемым и «подлинным» Ничто может и не оказаться никакого различия, тем более что Ничто в себе тоже предлагает полное отсутствие всяких различий». [4]

Хайдеггер и Ничто – ну что еще может быть ближе? Певец неуловимого Ничто. Его открыватель и толкователь. Извлекающий из Ничто феерическую массу своих философско-поэтических импровизаций. Попробуйте себе вообразить разницу между Ничто воображаемым и Ничто подлинным. По-моему, это пожизненная задача для целой школы йогов, ищущих нирвану в субтропическом климате какого-нибудь удивительного города... А Хайдеггер мог это делать! Мог различать все разнообразие самых тонких нюансов и оттенков этого удивительного и неуловимого Ничто. Невзирая на то, что Ничто в себе предполагает полное отсутствие всяких различий.

«Глубокая тоска, бродящая в безднах нашего бытия, словно глухой туман, смещает все вещи, людей и тебя самого вместе с ними в одну массу какого-то странного безразличия. Этой тоской приоткрывается сущее в целом». [4]

Поэзия! Ну какой философский прозаик, начав с глубокой тоски (эта вездесущая фабула творческой депрессии) сможет создать яркий сюрреалистический образ безразличия всеобщего тумана, приоткрывающего сущее в целом (ни много, ни мало). Туман, тоска и люди на болоте, всеобщее оцепенение, безразличие – и вдруг – просвет, и сквозь тоску, в наше сознание врывается всеобъемлющее сущее, которое в итоге имеет реальные шансы оказаться невообразимым Ничто...

«Метафизика есть основное событие в человеческом бытии. Она и есть само человеческое бытие. Из-за того, что истина метафизики обитает в этом бездонном основании, своим ближайшим соседом она имеет постоянно подстерегающий ее риск глубочайшего заблуждения. Поэтому до серьезности метафизики науке со всей ее строгостью еще очень далеко. Философию никогда нельзя мерить на масштаб идеи науки».

[4] (Метафизика – это наша жизнь. Как сущее нашего бытия превращается в Ничто – это сплошная голая метафизика).

Слова у Хайдеггера почти всегда пластичны и многозначны. Метафизика может быть событием, бытием, наукой, философией или заурядным Ничто. Но иногда она обращается и в сплошную голую метафизику! (вспоминается советская философия 30х годов прошлого века: там метафизика могла быть еще и «продажной девкой империализма!»). Поэты обязательно должны учиться метафорам у классических философов.

Науке, со всеми её школами, институтами, технологиями и амбициями далеко до серьезности метафизики. Метафизика – это жизнь, это бытие, это сущее. Это на грани реального и глубинно мистического.

«Метафизика думает, поскольку она представляет всегда только сущее как сущее, не о самом бытии. Философия не сосредоточена на своем основании. Она постоянно его покидает, и именно через метафизику». [4]

Хайдеггер – маг и мистик XX века. Метафизика, кроме прочего, вполне живое существо (помимо абстрактного сущего и неизбежного Ничто). Она думает за всех нас, вероятно и переживает, а когда её используют не по назначению (какие-нибудь воинствующие дилетанты), метафизика, не исключено, долго и выразительно ругается. При том, именно в этот момент происходит удивительная трансформация: философия, постоянно теряющая своё основание, прорывается сквозь метафизику, минуя бытие, в пределы сущего, покидая мир незатейливого здравого смысла.

«Всякий и так давно знает, что в философии, тем более в метафизике, все шатко, несчетные разные концепции, позиции и школы сталкиваются и раздирают друг друга – сомнительная сумятица мнений в сравнении с однозначными истинами и достижениями, с выверенными, как говорится, результатами наук. Вот где источник всей беды. Философия, а прежде всего именно метафизика, просто пока еще не достигла зрелости науки». [4]

Здесь чародей схоластического сюрреализма подводит нас к качественному рубежу предельно искреннего озарения: и философия, и метафизика не имеют под собой устойчивого теоретического фундамента, а только лишь сомнительная сумятица плюрализма и многообразие философских школ и систем, раздирающих друг друга. А напротив, наука, с её однозначными истинами и достижениями – всё ясно, конкретно и убедительно.

Философия, и, тем более, метафизика, далеки от зрелой науки. Они просто недостойны и несерьезны в своей извечно постоянной незрелости.

«Когда-нибудь она твердо встанет на ноги и пойдет выверенным путем науки – на благо человечества. Тогда мы узнаем, что такое философия». [4]

Но шансы есть. Когда-нибудь философия встанет на ноги (и метафизика тоже с ней!) – и пойдет вслед за наукой. Тогда-то мы наконец-то поймем – что такое философия!..

Скажем несколько громко (а может даже и пафосно!) – Николай Бердяев – самый психологичный философ XIX и XX веков. Пусть это будет рабочей гипотезой или субъективным интуитивным прозрением.

«Муки сомнения могут быть преодолены и побеждены. Но в обретенную веру таинственно войдет испытанная глубина сомнений. Такая вера будет иного качества, чем вера людей, не знавших сомнений, верующих по наследству, по рождению, по традиции. Человек, много путешествовавший по духовным мирам, много испытавший в своих блужданиях и исканиях, будет иметь другую духовную формацию, чем человек оседлый в своей духовной жизни, не встречавший в своем пути разных миров...» [1].

Бердяев всегда в борьбе, всегда в преодолении. В поиске истины и веры. Сквозь тернии сомнений мы обретем духовную веру, оставив позади обилие духовных миров. Сомнения смирятся, восторг нового качества превзойдет доселе известное по традиции и наследству.

«Бог и дух есть реальность того же порядка, как материальный предметный мир». [1]

Версия: три в одном. Бог, дух, материя. Материя божественна. Дух материален и бог – как материализовавшийся дух или одухотворенная материя. Реальный синкретизм.

«Границы сознания какого-либо человека не дают ему права утверждать эти границы для всех людей, принуждать их к ограниченности». [1]

Увы. Границы сознания и в прошлом, и в нашем веке, по-прежнему не совпадают. И люди иерархии по-прежнему пытаются утвердить единую границу как стандарт. Ограниченность всегда стремится взобраться по лестнице социальной иерархии и обрезать, как можно большему числу, пространство и границы сознания.

«Язык духовного опыта есть неизбежно символический и мифологический язык, и в нем всегда говорится о событиях, о встречах, о судьбе, в нем нет никаких заставных категорий и субстанций; самые идеи души и духа имеют мифологическое происхождение». [1]

Язык духовного опыта у каждого мыслителя неизбежно имеет свою неповторимую символику и свою неповторимую мифологию. Душа и дух пронизаны мифологическим происхождением и не менее мифологическим бытием, воплощением своего неповторимого символического сущего. Категории и субстанции играют роль изобретенных правил абстрактных игр человеческого ума и сознания.

«Иногда остается впечатление, что официальное богословие и официальные церковные наставления о путях человека не хотят признавать человека духовным существом, предупреждают от соблазнов духовности. Христианство души признается более истинным и более правоверным христианством, чем христианство духа. Сознание себя духовным существом признается гордыней, а смирение понимается как сознание своей недостойности обладать духом и духовной жизнью». [1]

Соблазн духовности чреват полетом мысли и души. Духовное может не признавать границ и абсолютов. Духовное выстраивает свою иерархию ценностей. Да и к тому же, может гордиться своими духовными мирами. Теология признает авторитет и иерархию. Иерархия признает смирение и послушание. Нищие духом - более надежный фундамент любого здания.

«Символ – значит посредник, знак и вместе с тем связь. Символизировать – значит соединять, разделяя, связывать. Символ и символизация предполагают существование двух миров, двух порядков бытия. Символ не может иметь места, если существует лишь один мир, один порядок бытия. Символ говорит о том, что смысл одного мира лежит в другом мире, что из другого мира подается знак о смысле. Плотин под символом и понимал соединение двух в одно. Символ есть мост между двумя мирами». [1]

Символ объединяет миры и порядки. Символическое может быть реальным и может быть виртуальным. При всем многообразии смыслов – они вряд ли имеют универсальное значение и действие для всех миров. Может ли символ связывать не два, а, например, сто миров – этого мы знать не можем, но мы можем позволить своему сознанию такую фантазию. Позднее появится наука и сконструирует символ для бесконечного многообразия миров. Но ранее науки, все невообразимо возможное многообразие миров давно уже конструирует и обращает в образы и символы философская метафизика.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. 480 с.
 2. Винобер А.В. Мифология текста. Рефлексивная герменевтика осознания (этюды №2) / А.В. Винобер // Вестник Института развития ноосферы. 2018. - 1. - С.47-62
 3. Винобер А.В. Мифология текста. Рефлексивная герменевтика осознания (этюды №1) / А.В. Винобер // Вестник Института развития ноосферы. 2018. - 1. - С. 51-76
 4. Хайдеггер М. Что такое метафизика? / Пер. с нем. – М.: Академический проект, 2007. – 303 с.
-

A.V. Vinober

*«Siberia Land Congress» Biosphere and Agriculture Economies Support and
Development Fund, Irkutsk, Russia*

**MYTHOLOGY OF TEXT. REFLEXIVE HERMENEUTICS OF
AWARENESS (ETUDE №3: UNUSUALLY SHORT AND SEVERAL
UNEXPECTED)**

The essay is the third [1, 2] collage of their random fragments of two philosophers who lived in the twentieth century and were so different in European philosophical culture: M. Heidegger and N. Berdyaev, accompanied by associations and reflections of the author, who set out to discover the presence of common archetypal foundations, invisibly creating the mythology of the text.

Key words: hermeneutics, interpretation, understanding.

Поступила в редакцию 15 января 2019

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ АНТРОПОЛОГИИ

УДК 101.1 : 316 : 159.9

А.В. Винобер

Фонд поддержки развития биосферного хозяйства и аграрного сектора «Сибирский земельный конгресс», Иркутск, Россия

**СИСТЕМО-МЫСЛЕДЕЯТЕЛЬНОСТНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ (СМД):
ФИЛОСОФИЯ ИЛИ ИДЕОЛОГИЯ? :
ФИЛОСОФСКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРАКТАТ**

Настоящая статья есть публикация вышеуказанного философско-психологического трактата. Структура трактата состоит из 12 глав. Каждая глава включает три параграфа, в каждом из которых содержится три постулата. Настоящая работа отражает субъективный взгляд автора на природу, истоки и последующую эволюцию феномена СМД-технологий во второй половине XX века и начале XXI в. На данном этапе автор более склонен именовать СМД-методологию и порожденную её активной организационно-мыслительной деятельностью СМД-технология методологической идеологией или новой технократической идеологией.

Ключевые слова: философско-психологический трактат, системо-мыследеятельность, СМД-методология, идеология, технология, организационно-деятельностные игры (ОДИ).

Введение

1. После завершения Второй мировой войны (1945 г.) в скором времени обострилось геополитическое противостояние двух мировых держав: США и СССР, бывших союзников по антигитлеровской коалиции, вылившееся в так называемую «холодную войну».
2. Геополитическое и идеологическое противостояние вызвало к жизни новый интерес к более активному использованию в «холодной войне» интеллектуальных технологий воздействия на сознание широких слоев населения (массовое сознание) и на сознание отдельных социальных групп и индивидуумов. В наличии такого интереса необходимо искать истоки современных техник и технологий нейро-лингвистического программирования и системо-мыследеятельностных технологий.

3. Настоящая работа отражает субъективный взгляд автора на природу, истоки и последующую эволюцию феномена СМД-технологий во второй половине XX века и начале XXI в.

Глава 1. Основные понятийно-смысловые конструкции СМД-технологии

1.1. Методология или идеология?

1.1.1. Любая методология представляет собой совокупность идей, методов, правил, исключений, концепций, предположений, аксиом и гипотез, не считая многочисленных дефиниций.

1.1.2. В любой методологии, применяя реконструктивно-аналитическое моделирование, мы со временем обнаружим лицо автора или содружества авторов, условия и предпосылки, уровень и содержание школьного образования, мотивацию и амбиции создателя, и прочие движущие силы и условия.

1.1.3. Любую идеологию конструируют те или иные методологи, обладающие уровнем сознания, иерархией социальных и иных ценностей, независимо от степени осознания своих действий, устремлений и способов выражения своих мыслей и идей.

1.1.3.1. Методология – это эпицентр, который порождает идеологию.

1.1.3.2. Любой методолог исповедует какую-то собственную более или менее оригинальную идеологию, которая является его движущей силой, наряду с тщеславием, жаждой власти, наживы или игрового самовыражения.

1.2. Рождение системо-мыследеятельности

1.2.1. Рождение системо-мыследеятельности – закономерный результат экспериментального логического и философского поиска небольшого круга лиц, обладавших повышенными личностными и философскими

амбициями и притязаниями. Или, выражаясь принятым в определенных кругах стилем – обладавших особенной мерой «окаянства».

1.2.2. Ничто не рождается из ничего – так утверждают материалисты. У всего есть свои истоки, предпосылки, основания и импульсы. Если бы не было бурного развития системного подхода, теории и практики «мозгового штурма» и деятельностной парадигмы в советской психологии, возможно, и не возникла бы системо-мыследеятельность.

1.2.3. Идеи «летают» в воздухе или в полевом пространстве нашего присутствия, но материализуются они, как правило, с помощью отдельно взятого индивидуального сознания, способного воспринимать витающие идеи и трансформировать их в понятную для других интеллектуальную конструкцию или художественный образ.

1.3. Краеугольные камни СМД-технологии

1.3.1. Мы – избранное интеллектуальное сообщество, обладающее уникальным знанием, недоступным средним умам.

1.3.2. Мы создали свой неповторимый мир символического мышления, способный влиять и изменять других людей, события, мыслительные, идеальные и материальные объекты и миры.

1.3.3. Мы призваны обучать других людей нашему способу мышления, нашему способу миропонимания, нашему способу манипулирования символическими и реальными объектами с целью их программированного изменения.

Глава 2. Истоки СМД-технологии. Фило- и онтогенез

2.1. Гегель, Маркс, Ленин...

2.1.1. Гегель, конечно же, был философом. Но также и одним из первых осознающих себя методологов. Он конструировал свои философские миры и

системы, исповедуя свою индивидуальную технику методологических поисков и решений.

2.1.2. Маркс, безусловно, политэконом и революционный утопист, прародитель всех современных коммунистических идеологий. Но, кроме того – он выдающийся методолог социального конструирования.

2.1.3. Ленин – методолог-практик с революционно-фанатическим уклоном. Это первый в истории XX века СМД-методолог, добившийся выдающихся практических результатов, которые мало соответствовали исходным теоретическим моделям.

2.2. Ницше, Богданов, Сталин

2.2.1. Ницше – первый постмодернист, разрушивший общепринятые традиционные философские системы и системы европейских культурных ценностей, используя свою оригинальную методологию поэтического и метафизического нигилизма, отрицающую всё общепринятое во имя самоутверждения сверхценных идей отдельной личности.

2.2.2. Богданов – ученый, революционер, создатель всеобщей тектологии – одной из первых практических деятельностных систем познания и изменения мира на основе СМД-методологии.

2.2.3. Сталин – стихийный СМД-методолог, искусный психолог и манипулятор, достигший наивысших результатов в создании масштабной и управляемой СМД-реальности.

2.3. Московский методологический кружок и Г.П. Щедровицкий

2.3.1. Зиновьев, Щедровицкий, Грушин, Мамардашвили и другие в 1952-54 гг. организуют Московский логический кружок.

2.3.2. После расхождения во взглядах Зиновьева и Щедровицкого Г.П. формируется Московский методологический кружок (1957-1979) – изучения теории мышления и теории деятельности.

2.3.3. С 1979 года начинается этап развития СМД-методологии. Лидером СМД-движения и главным идеологом всегда являлся Г.П. Щедровицкий.

Глава 3. ОДИ (организационно-деятельностные игры) – мозговой штурм или сеанс интеллектуального гипноза

3.1. Различие классического мозгового штурма и ОДИ

3.1.1. ОДИ – организация взаимодействия межпрофессиональных коллективов для реализации проектов и программ с рафинированной философской дискуссией и со строгой методологической рефлексией.

3.1.2. Мозговой штурм – организация совместной работы группы из разнопрофильных специалистов с целью быстрого нахождения путей решения сложной проблемы, путем генерирования разнообразных идей и дальнейшего критического анализа наиболее перспективных решений.

3.1.3. ОДИ является более фундаментальной формой взаимодействия и теоретического исследования сложных научных и иных проблем. Мозговой штурм может присутствовать в структуре ОДИ как практический элемент активизации мыслительной деятельности. Но в целом ОДИ похожа на мозговой штурм большого формата, облагороженный значительным числом правил и организационно-психологических условностей.

3.2. ОДИ и технологии сетевого маркетинга

3.2.1. Аудиторные технологии сетевого маркетинга имеют значительное сходство с технологиями ОДИ. Технологии сетевого маркетинга напоминают упрощенную форму ОДИ, ориентированную на быстрое достижение манипуляционного эффекта.

3.2.2. В ОДИ решается задача – инициация новых участников в парадигму символического мыслительного пространства методологов-организаторов.

3.2.3. Сетевой маркетинг и ОДИ ставят перед собой сходную цель: внушить новоявленному правила игры, по которым живут и играют организаторы.

3.3. ОДИ и нейро-лингвистическое программирование

3.3.1. Нейро-лингвистическое программирование – направление в психотерапии и практической психологии, игнорируемое официальной психологической наукой. С помощью психотренинговых акций клиенту внушают или программируют отдельные типы реакций или поведения. Нечто похожее на «мягкую» форму зомбирования.

3.3.2. Во время проведения ОДИ организаторы-методологи и игротехники коллективно применяют элементы НЛП, при этом называя НЛП-приемы собственными изобретенными терминами.

3.3.3. Эффект НЛП имеет существенное место в практике ОДИ. Об этом принято традиционно умалчивать и не придавать значения. Если элементы НЛП удалить из ОДИ – игра не будет иметь достаточной степени драматизации и психологический эффект эйфории от приобщения к новому миру навязываемого символического мышления будет резко ослаблен.

Глава 4. ОДИ – субстрат для интеллектуальной кастрации подопытных мутонов

4.1. Как формируется аудитория ОДИ

4.1.1. Один из основных принципов ОДИ – создание атмосферы максимального господства логико-символической парадигмы мышления, в которой работают организаторы-методологи и игротехники. Все участники игры должны одеть «розовые очки» нового методологического оргдеятельностного мышления. При этом допускается изобретать свои схемы и свои новые термины, но выражать их в специальной знаковой символической форме, трактуемой организаторами-методологами.

4.1.2. ОДИ требуют создания определенного настроения аудитории. Поэтому, как правило, аудитория участников игры формируется заранее, по установленным принципам отбора, обсуждаемым организаторами перед каждой игрой. Имеет значение желание потенциального участника принять

участие в игре, его социальная роль и активность, его определенные карьерные амбиции и другие характеристики. Не исключается небольшой процент слабомотивированных участников (для массовки) и участников, не принимающих парадигмы организаторов (это – будущие «мальчики для битья»).

4.1.3. Первая часть игры проходит в интенсивных усилиях организаторов по обращению аудитории в свою веру: чтобы аудитория стала мыслить не по знаниям и опыту, а по «методологическим понятиям».

4.2. Методологи и игротехники

4.2.1. ОДИ готовит и проводит команда, как правило, состоящая из одного или нескольких методологов и определенного числа игротехников, работающих в более близком контакте с участниками.

4.2.2. Некоторые методологи именуют себя просто «организаторами», но сущность от этого не меняется. Задача методолога – стратегия. Обеспечение теоретического (методологического) основания всей игры. Методолог излагает свою стратегию на максимально абстрактном языке, чтобы быть минимально уязвимым для какой-либо неожиданной критики. Игротехники переводят язык методолога участникам в более примитивной, облегченной форме. Результат перевода не всегда соответствует сказанному методологом, но это не принципиально важно. Важно дать понять участнику, что его уровень мышления (с методологической точки зрения) находится на уровне «ниже плинтуса» и единственный шанс стать приличным мыслящим человеком – это как можно быстрее усвоить и начать повторять термины и определения, которыми оперируют методологи и игротехники.

4.2.3. Жизненный уровень знаний и интеллектуальные способности большинства так называемых «игротехников» нередко бывает существенно ниже, чем у большинства простых (начинающих) участников. Этот недостаток вполне компенсируется амбициозной самоуверенностью

игротехников, связанной с их принадлежностью к команде методологов – носителей особо прогрессивного мышления.

4.3. Модель ситуации коллективного интеллектуального гипноза

4.3.1. Одна из основных задач (если не самая главная) команды организаторов ОДИ – создать ситуацию доминирования мышления своей команды над мышлением аудитории участников.

4.3.2. Это достигается большой степенью организованности и синхронизации мышления самой команды организаторов. Создается впечатление, будто они живут в иной, более возвышенной, чем обыденная, организационно-деятельностной и методологической реальности.

4.3.3. Вышеназванными действиями создается атмосфера, благоприятствующая подражанию. Участники, быстро схватившие терминологию организаторов и делающие попытки подражательных высказываний, сразу же получают психологическую поддержку организаторов. Участники, делающие критические высказывания в адрес организаторов, сразу же подвергаются интеллектуально-психологическому остракизму. Всеми коллективными синхронными действиями и высказываниями команды организаторов достаточно быстро создается ситуация коллективного интеллектуального гипноза, в основе которой лежит древний принцип: «кто не с нами – тот против нас». Аудитория участников попадает под усиливающееся влияние команды организаторов.

Глава 5. ОДИ «Социально-экологическая экспертиза Байкал». Тридцать лет спустя... [1]

5.1. Цели и задачи Байкальской экологической экспертизы

5.1.1. Цель ОДИ «Байкальская социального экологическая экспертиза» (15-31 октября 1988): провести такую экспертизу, которая прояснила бы, что происходит с нами самими. Чтобы она раскрыла, в результате чего мы

порождаем такие ситуации, с которыми сами потом не можем справиться (руководитель игры С.В. Попов).

5.1.2. Проведение независимой социально-экологической экспертизы требовало выявления и оформления проблем и проблемной ситуации, разработки максимально широкого спектра вариантов дальнейшей жизни региона.

5.1.3. Основная часть социально-экологической экспертизы проводилась в форме ОДИ.

5.2. Результаты экспертизы в «сухом остатке»

5.2.1. Из заключительного акта экспертизы: экспертные оценки однозначно показали, что проблему Байкальского региона неправильно рассматривать и пытаться решить вне учета новой экологической ориентации в мировом развитии. ... не происходит кардинальных сдвигов ситуации: продолжается уничтожение уникальной экосистемы озера, существующих форм культуры и жизни.

5.2.2. Создание в регионе образца реализации новой экологической политики и прецедента в области системной организации хозяйства, права, структур власти и способа жизни может стать практическим средством активного включения СССР в мировую политику. Экспертиза, рассмотрев и всесторонне оценив имеющиеся возможности, пришла к выводу о необходимости включения Байкала, как уникального природного образования, в список объектов мирового наследия.

Подобное решение предъявляет целый ряд требований и ограничений на формы хозяйствования, научной и политической жизни. Это тем более очевидно, если учесть, что по данным экспертного анализа, сохранение уникального экологического комплекса в существующих системах деятельности, структурах власти и правовых рамках невозможно.

5.2.3. Экологическая проблема, как было показано, есть не столько проблема охраны природы, сколько проблема обеспечения качества жизни и подъема

культуры населения. Реалистичность экологической региональной политики предполагает значительный подъем уровня и качества жизни.

Отличительной характеристикой Байкальского региона должно стать его превращение в плацдарм испытания новых форм организации науки, новых образцов экологического права, хозяйственной и общественной жизни. [2]

5.3. Результат и последствия экспертизы – 30 лет спустя

5.3.1. Прошло 30 лет после проведения ОДИ «Социально-экологическая экспертиза» на Байкале. Можно оценить результаты и последствия экспертизы. Можно высказать кратко, в трех предложениях-утверждениях (что мы и сделаем), а можно получить бюджетное финансирование в 20-30 миллионов рублей и провести исследование на тему результатов и последствий ОДИ «Экспертиза-88». В любом случае – результат будет один и тот же, но появятся новые тома отчета об исследовании.

5.3.2. Основные качественные моменты и определения, вошедшие в заключительный акт экспертизы, были известны местным экспертам задолго до проведения игры и не являются плодом коллективных усилий, предпринятых всеми организаторами и участниками ОДИ.

Собрав несколько реальных экспертов по Байкальской проблеме и предоставив им возможность провести коллективный мозговой штурм – мы бы получили более глубокий и более качественный анализ-прогноз ситуации.

5.3.3. Никаких кардинальных последствий ОДИ «Социально-экологическая экспертиза» в течение последующих 30 лет в Байкальской экологической ситуации не было обнаружено, за исключением разве что, отдельных имитационных проектов, с целью освоения бюджетных средств без решения каких-либо реальных экологических проблем.

5.3.3.1. Надо признать, что некоторые интеллектуальные последствия имели место в регионе, как проведение новых ОДИ, появление новых последователей СМД-технологий и т.п. Но к решению проблемы сохранения озера Байкал это имеет самое отдаленное отношение.

5.3.3.2. Если еще раз взглянуть с высоты прошедших 30 лет, то ОДИ «Социально-экологическая экспертиза» больше воспринимается как общественно-политическое шоу, успешно создающее иллюзию интеллектуального системо-мыследеятельностного прорыва в новую реальность постиндустриального общества.

Глава 6. Самая большая ОДИ 20 века под названием «Перестройка»

6.1. «Перестройка» – спонтанный исторический парадокс или программная геополитическая игра?

6.1.1. «Перестройка», объявленная генеральным секретарем ЦК КПСС и первым-последним президентом СССР М.С. Горбачевым, по нашему субъективному мнению, завершилась 1 июня 1989 года. После этой даты пошел процесс активного развала государства СССР, успешно завершившийся в декабре 1991 года. Политологи, историки и иные социальные мыслители продолжают спорить: что это было? Спонтанный исторический зигзаг, вызванный неизбежными предпосылками разрушения исчерпавшего себя государственного строя или это результат целенаправленной геополитической игры, приведший к поражению слабой стороны (страны)?

6.1.2. Исходя из опыта 30-летних исследований и размышлений, мы пришли к выводу, что «перестройка» М.С. Горбачева и последующее разрушение СССР имеет все признаки программной геополитической игры, имеющей близкое родство с отечественными ОДИ, и основанной на сходных принципах СМД-технологии. Условно назовем так - ОДИ «Перестройка». Берет свое начало в 1984 году и завершается в декабре 1991 года (хотя, собственно, сама перестройка, как декларированный СМД-проект почил уже 1 июня 1989 года).

6.1.3. Вопрос – кто был организатором (организаторами) вышеназванной ОДИ «Перестройка», кто методологами, кто игротехниками и активными

участниками? Это тема большого исследования ученых и специалистов разных стран. Но с помощью реконструктивно-аналитического моделирования, мы можем восстановить модель того реализованного СМД-проекта.

6.1.3.1. Мы вовсе не имеем ввиду Г.П. Щедровицкого и его многочисленных последователей. СМД-технологией давно уже овладели спецслужбы ведущих государств мира – просто у них иные определения таких игр и таких процессов, которые мы относим к разряду СМД-технологий, в связи с наличием сходных фило- и онтогенетических признаков.

6.2. М.С. Горбачев – исторический деятель или марионетка неведомых сил?

6.2.1. Расхождения в оценке исторической деятельности М.С. Горбачева имеют под собой самые серьезные основания и еще долго не смогут быть преодолены.

6.2.2. Можно утверждать, что на вершину пирамиды власти каким-то чудом прорвался дилетант, отключил «автопилот» управления государством и государственный железный аэроплан под названием «СССР» сорвался в пике и потерпел неожиданное крушение.

6.2.3. Но возникает закономерный вопрос: куда смотрела двадцати миллионная правящая партия и доблестные силы безопасности, любящие «переводить стрелки» на каких-нибудь коварных экологов или других малограмотных стрелочников?

6.2.3.1. Исходя из этого вопроса, путем простых аналитических умозаключений (без всяких умопомрачительных СМД-технологий), мы приходим к выводу, что все таки М.С. Горбачев был активным участником программной геополитической игры, выполняя прописанную для него роль, с которой в итоге успешно и справился, получив в награду пожизненный иммунитет и иные привилегии для себя и для своих ближайших родственников.

6.3. Основные результаты ОДИ «Перестройка»

6.3.1. Результат первый - разрушен или выведен из строя на долгие годы главный геополитический оппонент ведущей державы современного мира. США получили отличный шанс для дальнейшей мировой экспансии и гегемонии. Чем и воспользовались по полной программе.

6.3.2. Появился великолепный шанс для последующего окончательного разрушения главного оппонента англо-саксонской мировой гегемонии (мы имеем в виду государство Россия в его современном состоянии). Над чем и работают «денно и ночью» СМД-технологии разных стран коалиции НАТО.

6.3.3. «Американский порядок» как никогда близок ко всемирному планетарному воплощению. Видимо, в этом главная суть «нового мышления», о котором говорил С.М. Горбачев.

Глава 7. СМД-технология как высшая ступень развития марксистско-ленинской теории и практики

7.1. Идеологические ориентиры СМД-технологии

7.1.1. Если мы будем внимательно анализировать отечественные СМД-технологии и их зарубежные аналоги, мы без особо труда обнаружим в их основании идеологические ориентиры. Разговоры о чистоте научного или методологического эксперимента – это не более чем корейская лапша «Доширак» для непосвященных.

7.1.2. СМД-технологии – это не только форма теоретической или методологической экспансии. Это реальные технологии, в которых живет «влечение к власти».

7.1.3. СМД-технологии представляют властным структурам новое средство манипулирования общественным сознанием, в первую очередь, посредством создания многочисленных симулякров и всевозможных имитаций. Кроме того, СМД-технологии несут в себе известный заряд этики марксистского прагматизма, всегда склонной к тоталитарным формам правления.

7.2. Марксистско-ленинская теория и практика

7.2.1. Марксистско-ленинская теория и практика прекрасно приживается (возможно, уже основательно прижилась) в отечественных и зарубежных СМД-технологиях. Капиталисты давно уже извлекли для практического использования все живучие идеи Маркса и Ленина, одели их в новые оболочки и успешно внедрились в повседневную практику.

7.2.2. И Маркс, и Ленин, безусловно, были выдающимися методологами и конструкторами виртуальной реальности. Если мы отвлечемся от морализаторства и конъюнктурного критицизма, при новом системно-аналитическом исследовании наследия Маркса и Ленина, мы обнаружим немало элементов интеллектуального и идеологического технологизма, успешно эксплуатируемых в современной геополитике и государственном строительстве, не говоря об управлении обществом.

7.2.3. Отдельные элементы марксистско-ленинской практики настолько глубоко «въелись» в наши привычки и в подсознание, что мы их уже не различаем, считаем вполне естественным опытом культурного наследия. На фундаменте этого наследия покоится вся СМД-методология и ОДИ.

7.3. СМД-технология – ленинизм конца XX – начала XXI в.?

7.3.1. Появление в 70-е и 80-е годы XX века СМД-методологии и ОДИ – это своеобразный итог развития марксистско-ленинской теории. В то время не могло появиться в сфере методологии (под навесом и на фундаменте марксистско-ленинской философии) что-либо совершенно чуждое и несовместимое с единственно верным учением.

7.3.2. Поэтому, вполне резонно считать СМД-методологию и ОДИ – ленинизмом конца XX – начала XXI в.

7.3.3. В период распада СССР, 1989-1991 гг. и в последующие годы, СМД-методология и ОДИ, отбросив чисто внешние элементы ленинской теории, облачились в некое подобие постмодерна и активно трансформировались в СМД-технологии государственного масштаба.

Глава 8. СМД-технология как советско-российский постмодерн

8.1. Застой в советской философии 50-80-х годов XX века

8.1.1. С большой долей условности, можно сказать, что в советской философии 50-80 гг. XX века доминировал «застой». В первую очередь мы имеем ввиду многочисленную аудиторию советских философов, работавших в академических и учебных высших заведениях.

8.1.2. «Застой» выражался в обилии «клише» и «штампов» идеологического содержания, которыми были «унавожены» философские публикации, учебники и монографии.

8.1.3. В «застойной среде» изредка проявлялись самобытные авторы и необычные, оригинальные мысли, более похожие на маргинальные течения, на своеобразный философский андеграунд, составлявший не более 5% от философского контингента страны.

8.2. СМД-технология 70-80-х годов XX века как советский постмодерн

8.2.1. Одним из ярких явлений советского философского андеграунда 50-60-х годов XX века можно считать появление и развитие Московского методологического кружка (может и не совсем андеграунд, но существенный момент инакомыслия присутствовал там изначально).

8.2.2. Главным итогом развития Московского методологического кружка можно считать появление в 70-80-х гг. XX века СМД-методологии и ОДИ, что в совокупности трансформировалось в СМД-технологии, и обрело размах «движения» или социально-психологического феномена, равного или даже превосходящего пресловутый французский философский постмодерн.

8.2.3. Поэтому, вполне целесообразно именовать сложившуюся совокупность СМД-технологий (на основе СМД-методологии и ОДИ) советским философским постмодерном 70-80-х гг. XX века.

8.3. Различия западного постмодернизма и СМД российского постмодернизма

8.3.1. Основным отличием советского постмодерна от западного можно считать наличие одного безусловного лидера – Г.П. Щедровицкого, и наличие в советском варианте постмодерна изначального стремления – превратиться в социальную СМД-технологию, ориентированную на активное внедрение в плоть повседневной жизни.

8.3.2. Можно считать, что развитие СМД-технологии (на основе СМД-методологии и ОДИ) своеобразной формой новейшего философского прагматизма, удачно обрядившегося в тогу «нейтральной научной методологии».

8.3.3. В конце 80-х и в 90-е годы XX века СМД-технология претерпела неизбежную трансформацию, пребывая в активном поиске, и в значительной степени обратилась в нишу государственного строительства, испробовав себя в сферах политтехнологий, бизнеса и общественного развития. Советский постмодерн превратился в российский.

Глава 9. Торжество СМД-технологий в современном мире

9.1. СМД-технологии и технологии спецслужб

9.1.1. Изобретение СМД-технологий нельзя отнести к чисто советскому феномену. По этому пути давно двигались некоторые зарубежные прагматичные исследователи, в результате чего, в конце 40-х и начале 50-х годов XX века появляются первые «фабрики мысли». Они были мало похожи на Московский методологический кружок и не создавали теоретических парадигм, типа СМД-методологии, с использованием сложного понятийно-символического аппарата, но это были, безусловно, родственные по смыслу интеллектуальные технологии.

9.1.2. Параллельно развивались СМД-технологии спецслужб развитых стран мира, в первую очередь Великобритании, США и Советского Союза. Корни

их «системо-мыследеятельности» уже хорошо могут быть прослежены с 20-х годов XX века (а в отдельных случаях – и существенно ранее этого времени).

9.1.3. Основное отличие СМД-технологий последних (т.е. пребывающих в лоне спецслужб) от СМД-технологии научно-исследовательского плана заключалось в максимальной прагматике и нацеленности на достижение конкретного практического результата. Именно эти СМД-технологии породили со временем ряд масштабных геополитических проектов типа «цветных» революций в развивающихся странах.

9.2. Стихийные СМД-технологии невидимой элиты

9.2.1. В 60-е годы XX века СМД-технологиями начали серьезно интересоваться внегосударственные структуры, которые позднее получили наименование «невидимых геополитических элит», так, в частности, в 1968 году появился «Римский клуб» Аурелио Печчеи, известный своими докладами о тенденциях в мировом развитии. В основе таких объединений «невидимой элиты» тоже присутствует своеобразная СМД-технология и контингент высокопрофессиональных методологов и аналитиков, создающих свои проекты, сходные по содержанию с ОДИ, но в менее тоталитарном режиме осуществления организационной мыследеятельности.

9.2.2. СМД-технологии на службе у «невидимой геополитической элиты» мы условно называем «стихийными», ибо их разработчики обладают большей степенью свободы и регламента своей деятельности. Также они менее обременены глубиной теоретического фундаментального обоснования своих решений и проектов, а максимально ориентированы на практическое применение своих интеллектуальных разработок.

9.2.3. Такие «стихийные» СМД-технологии обладают большим разнообразием своих форм практического воплощения и, вполне вероятно, встроены в повседневную бизнес-деятельность ведущих транснациональных компаний. То есть связь с геополитикой и бизнесом максимально возможная

9.3. Нетократия и СМД-технология

9.3.1. В 90-е годы XX века, в мире и в России начинается новый этап развития СМД-технологии, связанный с появлением и развитием новых информационно-коммуникационных систем и элементов информационного цифрового общества.

9.3.2. В сфере развития СМД-технологий появился новый игрок или знаковый участник – назовем его нетократическим элементом СМД-технологии.

9.3.3. Возможно, это новый этап в развитии технократии и превращения её в нетократию. Нетократы на данном этапе в большей степени позиционированы как обслуживающий персонал геополитических государственных и транснациональных структур. Но вполне вероятно, что этот «новый класс» может по типу пролетариата обрести своих вождей. При сочетании владения СМД-технологией и мировыми информационными системами, этот «новый класс» станет доминировать в мировой «невидимой элите».

Глава 10. Философия или идеология: критерии диагноза

10.1. Методология или философия

10.1.1. Мы резонно подошли к важному вопросу: СМД-методология – это философия или идеология? Советско-российский вариант СМД-методологии, родившись однажды на почве философии, в скором времени предпринял попытки удаления в сторону социальной практики. Поэтому СМД-методологии с каждым днем и в большей степени – это не философия, а методология, стремящаяся все более воплотиться в СМД-технологии управления социумом.

10.1.2. СМД-методология или производная от неё СМД-технология может рядиться в философские одежды и совершенствовать свой символический и спекулятивно-понятийный аппарат (арсенал), но назвать это направление философией с каждым днем становится труднее.

10.1.3. В настоящее время СМД-методология все более обращается в методологию социально-манипулятивной технологии, ориентированной на запросы правящей технократии.

10.2. Критерий диагноза

10.2.1. Каковы критерии нашего диагноза? Где мы набрались такого «окаянства», чтобы прийти к такому, на первый взгляд, неоднозначному решению?

10.2.2. Критерии диагноза заключены в истоках и тенденциях развития самого движения СМД-методологии, изрядно обратившегося в СМД-технологию социально-психологического манипулирования обществом (что, впрочем, было заметно изначально – еще в 1988 на ОДИ «Социально-экологическая экспертиза Байкал» отдельные участники называли СМД-методологию тоталитарным мышлением).

10.2.3. Критерии диагноза появились намного ранее оформления СМД-методологии. Читайте философскую критику тоталитарного мышления в XX веке (Н. Бердяев, Л. Петражицкий, К. Ясперс и др.)

10.3. Философия, идеология или методология?

10.3.1. На данном этапе мы более склонны именовать СМД-методологию и порожденную её активной организационно-мыслительной деятельностью СМД-технологию методологической идеологией или новой технократической идеологией.

10.3.2. Элементы философии и даже определенные философские конструкции имеют место в СМД-методологии, но их задача сводится к процедуре облагораживания несущего каркаса и способно производить впечатление на тех, кто не обладает критической философской рефлексией, знанием истории философии и собственно критическим системно-историческим знанием.

10.3.3. Вполне вероятно, что сами носители СМД-методологического знания имеют большой разницей в адекватности понимания того, что они усвоили, в основном, в процессе интенсивного интеллектуально-вербального подражания и более воспринимают свою мыслительную деятельность как безобидную игру или возвышенно-теоретическое знание. Но в итоге – главный критерий – историческая практика. Правда, и она нередко опасается называть вещи своими именами.

Глава 11. Россия 21 века как проект российского постмодерна

11.1. Российская невидимая элита

11.1.1. Российская «невидимая элита» в значительной степени подражает мировой – она старается быть невидимой – за редким исключением, во времена Ельцина, российская невидимая элита была более прозрачной и публичной. Сейчас – она достоверно известна только узкому кругу лиц. Все остальные любопытствующие, в основном, питаются слухами, а не достоверной информацией.

11.1.2. Правила игры для российской невидимой элиты также публично не декларированы. Принципиально они известны только для «посвященных». Как рождаются, функционируют и изменяются эти правила – terra incognita.

11.1.3. Каким образом формируется российская невидимая элита, какие существуют «социальные лифты» и критерии отбора – тайна за семью печатями.

11.2. Российская система мыследеятельности и её технология

11.2.1. Российская СМД-технология находится в настоящее время в фазе интенсивного развития и широкого распространения в системе государственного управления. Что, впрочем, также не афишируется для широкого круга любопытствующих. Вероятно, это связано с мерами по безопасности.

11.2.2. Можно предположить, что соответствующие структуры государственного аппарата имеют конкретное представление о значимости СМД-технологии в современном мире и придают должное значение для повседневного внедрения в практику.

11.2.3. Отслеживается ли вопрос о сравнительной конкурентоспособности российских СМД-технологий в сравнении с зарубежными аналогами – это также малоизвестно, как и сам статус главных носителей и распространителей СМД-технологий.

11.3. Россия как проект постмодерна

11.3.1. Идея о представлении России как проекта современного постмодерна не нова. Об этом говорят уже два десятилетия. Есть ли такой проект в действительности и какова его эффективность – вопрос для очень больших экспертов.

11.3.2. Какую роль играют в таком вероятном проекте собственно представители СМД-методологии и насколько это движение жизнеспособно и актуально в рамках российского проекта постмодерна – думаю, рассказать могут очень редкие специалисты.

11.3.3. Если всё же такой проект существует (российский СМД-методологический и социально-технологический проект), то неизвестно, какие цели он преследует и каковы критерии его эффективной реализации.

Глава 12. Глобальные игры геополитического постмодерна

12.1. СМД-проект «американский порядок»

12.1.1. Условно называемый нами СМД-проект «американский порядок», без сомнения, существует. Он может носить любое другое *название*, но по своей сущности организационной и деятельностной, он, весьма вероятно, близок к СМД-технологиям (в российском понимании).

12.1.2. Вероятно, этот проект носит древовидный, разветвленный характер, и представляет собой многоуровневую функциональную систему, где ответственность за каждый уровень и каждое ответвление несет определенная исследовательско-аналитическая структура, напоминающая «фабрику мысли» или спецподразделение, функционирующее на принципах, сходных с принципами российских системо-мыследеятельностных методологий (или методологии).

12.1.3. Вероятно, в систему этого проекта включены СМД-технологии и структуры ведущих государств-партнеров США и представителей крупнейших транснациональных компаний.

12.2. Планетарная элита и глобальная игра постмодерна

12.2.1. Планетарная элита, в т.ч. и российская, имеет представление об основных условиях, тенденциях и предполагаемых результатах проекта «американский порядок», возможно, имеющего более благозвучное название «планетарный или мировой порядок».

12.2.2. Все условия и тенденции прописаны как правила глобальной игры постмодерна. Соблюдение правил игры обеспечивает методологический и игротехнический аппарат невидимой элиты мирового истеблишмента.

12.2.3. Соблюдающие правила игры и демонстрирующие максимальную лояльность структурам невидимой элиты, имеют шанс повысить свой рейтинг, и приблизится к телу невидимой элиты, что имеет значительный политический и экономический эффект для послушных игроков.

12.3. Европа, Китай, Япония и другие

12.3.1. Не исключено, даже – весьма вероятно, что существуют подобные СМД-технологические проекты на уровне мировых регионов или крупных влиятельных государств. Возможно, что они могут существовать автономно и относительно независимо, либо в малой или большей степени быть включенными в глобальный СМД-технологический проект.

12.3.2. Как в глобальном проекте, так и в региональных или государственных проектах основанных на СМД-технологиях происходит постоянное возрастание роли информационных и социальных технологий, и, соответственно, СМД-методологий и знаний. Безусловно, существует между проектами достаточно жесткая конкуренция, с использованием всего знаниевого и ресурсного потенциала.

12.3.3. Существует в рамках каждого проекта набор предварительных сценариев развития ситуаций, и этот набор постоянно оптимизируется, обновляется и ориентирован на максимальный коэффициент полезного действия. Каждый из проектов содержит в себе тот или иной механизм тоталитарного управления. Возможность осмысленного и значимого участия в таких проектах простых граждан, жителей разных государств, практически равна нулю. Их роль сводится к условной ресурсно-субстратной функции, от которой всегда легко избавиться без существенной помехи для проекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Винобер А.В. Дело о Байкале. Первая международная общественная экологическая экспертиза. 30-лет спустя: субъективный взгляд рядового участника / А.В. Винобер // Биосферное хозяйство и устойчивое развитие сельских территорий: Сб. материалов VIII международной научно-практической конференции (Иркутск, 8-10 октября – 2018 г.). - Иркутск, 2018. - С.56-61

2. Дело о Байкале. Первая международная общественная экологическая экспертиза «Байкал». 15-31 октября 1988. Публикация материалов. - Иркутск: Оттиск, 2000. - 472 с.

A.V. Vinober

«Siberia Land Congress» Biosphere and Agriculture Economies Support and Development Fund, Irkutsk, Russia

SYSTEMIC-THOUGHT-ACTION TECHNOLOGY (STA): PHILOSOPHY OR IDEOLOGY? : PHILOSOPHICAL-PSYCHOLOGICAL TRACT

This article is a publication of the above-mentioned socio-psychological treatise. The structure of the treatise consists of 12 chapters. Each chapter includes three sections, each of which contains three postulates. This paper reflects the author's subjective view on the nature, origins and subsequent evolution of the phenomenon of STA-technology in the second half of the 20th century and the beginning of the 21st century. At this stage, the author is more inclined to call the STA methodology and the STA technology generated by its active organizational and cogitative activity as a methodological ideology or a new technocratic ideology.

Key words: philosophic-philosophical treatise, systemic-thought-action, STA-methodology, ideology, technology, organizational activity-playing game (oag).

Поступила в редакцию 19 января 2019

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Вестник Института развития ноосферы – электронный ежемесячный журнал, конгломерат, включающий публикацию отдельных и периодических статей, публикацию рукописей монографий и трактатов, реферативных обзоров, отдельных заметок, идей и предложений научно-практического характера.

Рубрики

1. Теория и практика развития ноосферы
2. Философия и методология антропологии
3. Социальная философия
4. Биосферное хозяйство и проблемы природопользования
5. Социально-экологический анализ и прогнозирование
6. Палеопсихология и психоистория
7. Социальная психология
8. Исторические и футурологические исследования
9. История наук

Периодичность выхода: ежемесячно

Прием статей – до 15 числа каждого месяца.

Выпуск – последний день месяца.

Страница журнала <http://biosphere-sib.ru/scientific-practical-journals/Bulletin-of-Institute-of-development-noosphere.php>

Правила оформления статей <http://biosphere-sib.ru/scientific-practical-journals/pravila.php>

Фонд поддержки развития биосферного хозяйства и аграрного сектора «Сибирский земельный конгресс» - некоммерческая неправительственная организация, созданная в 2008 г.

Контакты:

e-mail: congress@biosphere-sib.ru

тел. 8914-912-47-11 сайт:

www.biosphere-sib.ru

Соц. сети: https://vk.com/virtual_school_of_rural_tourism